475776
5120
1948 г.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ II.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1904.

475776 р

475776

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

инв. 6780
5720

БИБЛИОТЕКА
Педагогическаго Института
Самар. Губ. Земства.

891.71.092
П 91

Книги из собрания
П. К. СИМОНИ.

1948 г.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ II.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Куйбышевская
№ 475776
Обл. Библиотека

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ПУШКИНЪ.

БИБЛІОТЕКА
...ЕСКАГО ...
Губ. ...
КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Коммиссіи съ марта 1903 по февраль 1904 года .... I—XVI.

Автографы Пушкина, поступившіе въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ въ 1903-мъ году. В. И. Срезневскаго .... 1—13.

Изъ семейнаго архива Раевскихъ. Б. Л. Модзалевскаго 14—24.

Замѣтка къ Пушкину (Происхожденіе пѣсенки Гринева: «Мысль любовну истребляя»). В. И. Чернышева .. 25—26.

Семенъ Семеновичъ Есаковъ. Біографическая замѣтка (Съ портретомъ). Б. Л. Модзалевскаго .... 27—31.

Пушкинъ, Н. Полевой и Булгаринъ (Изъ журнальной полемики конца 20-ыхъ гг. XIX в.). В. В. Каллаша . 32—49.

Предполагаемый источникъ для біографіи Пушкина. Ф. А. Витберга .... 50—64.

Изъ двадцатыхъ годовъ. Замѣтки и матеріалы. I. Къ біографіи Я. Н. Толстого; II. Исторія одного письма К. Н. Батюшкова. П. Е. Щеголева .... 65—80.

Записка къ Пушкину. Н. О. Лернера .... 81—83.

Указатель (къ извлеченіямъ изъ протоколовъ I-го и II-го выпусковъ и къ тексту II-го) .... 85—90.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Коммиссіи съ марта 1903 по февраль 1904 года.

I.

Протоколъ засѣданія 27-го марта 1903 г.

Присутствовали: Предсѣдатель, ординарный академикъ А. Н. Веселовскій, члены: академики А. Н. Пыпинъ, А. А. Шахматовъ и Ѳ. Е. Коршъ; В. И. Саитовъ и В. Е. Якушкинъ, дѣлопроизводитель Б. Л. Модзалевскій.

II. В. И. Саитовъ предложилъ избрать въ члены Коммиссіи профессора С.-Петербургскаго Университета Илью Александровича Шляпкина и Секретаря Пушкинскаго Лицейскаго Общества Павла Евгеньевича Рейнбота.

Вслѣдствіе послѣдовавшаго за симъ избранія названныхъ лицъ, *положено:* увѣдомить о семъ гг. Шляпкина и Рейнбота и сообщить объ ихъ избраніи Отдѣленію Русскаго языка и словесности.

III. В. И. Саитовъ заявилъ, что отъ графа С. Д. Шереметева до настоящаго времени еще не получены рукописи Пушкина, въ которыхъ онъ встрѣчаетъ настоятельную надобность. По этому поводу В. Е. Якушкинъ сообщилъ, что онъ получилъ отъ графа Шереметева приглашеніе пріѣхать, для ознакомленія съ рукописями поэта, въ с. Остафьево и намѣренъ воспользоваться имъ весною или въ началѣ лѣта с. г., а потому

Положено: просить г. Якушкина отобрать въ Остафьевскомъ и Михайловскомъ архивахъ графа Шереметева всѣ Пушкинскія рукописи (стихотворенія, письма Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, П. В. Нащокину, С. А. Соболевскому и Ѳ. А. Скобельцыну, письма къ Пушкину Е. М. Хитрово и др.), чтобы затѣмъ просить у графа разрѣшенія переслать ихъ въ Академію.

IV. В. Е. Якушкинъ сообщилъ, что, вслѣдствіе заявленія академика А. И. Соболевскаго (протоколъ засѣд. 22 марта 1902 г., п. VI), онъ ознакомился съ собраніемъ записей русскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ; среди нихъ 3 или 4 пѣсни оказались, дѣйствительно, записанными рукою Пушкина. Къ этому г. Якушкинъ присовокупилъ, что хранитель рукописей Музея С. О. Долговъ снялъ съ этихъ записей точныя копіи, которыя онъ намѣренъ прислать въ Академію для напечатанія въ журналѣ Коммиссіи.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

V. Предсѣдатель доложилъ телеграмму, полученную, въ декабрѣ минувшаго года, Августѣйшимъ Президентомъ Академіи отъ графини Наталіи Александровны Меренбергъ, въ которой она сообщаетъ, что не находитъ возможнымъ прислать въ Академію письма ея отца. В. И. Саитовъ заявилъ, что имъ полученъ былъ отъ М. М. Стасюлевича корректурный экземпляръ писемъ Пушкина, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", съ поправками И. С. Тургенева, но что и это не удовлетворяетъ его при исполненіи его задачи, и что ему необходимо воспользоваться подлинными рукописями писемъ. Собраніе высказало предположеніе, не будетъ ли возможно получить письма при посредствѣ дочери графини Меренбергъ, г-жи Кондыревой (рожд. Дубельтъ); а потому

Положено: просить Предсѣдателя Коммиссіи обратиться къ г-жѣ Кондыревой съ просьбой о посредни-

чествѣ передъ ея матерью и предложить графинѣ Меренбергъ уступить имѣющіяся у нея рукописи въ собственность Академіи за нѣкоторую сумму денегъ.

VI. Дѣлопроизводитель доложилъ о полученномъ извѣщеніи Калужской Ученой Архивной Коммиссіи, въ которомъ сообщается, что мѣстный фотографъ берется исполнить фотографическіе снимки съ хранящихся въ Музеѣ Коммиссіи подлинныхъ писемъ поэта къ А. Н. Гончарову за 80 рублей.

Положено: просить Коммиссію поручить фотографу прислать пробный снимокъ съ одного изъ писемъ, въ размѣрѣ подлинника, и, въ случаѣ удовлетворительности его, заказать снимки и съ остальныхъ писемъ.

VII. Дѣлопроизводитель доложилъ о полученномъ, при отношеніи Тверской ученой Архивной Коммиссіи отъ 25-го октября 1902 г., за № 260, экземплярѣ „Стихотвореній Александра Пушкина“, ч. I, С.-Пб., 1829 г., найденномъ въ библіотекѣ бывшихъ помѣщиковъ Калязинскаго уѣзда Ушаковыхъ; на обложкѣ книги рукою Пушкина сверху написано чернилами: „всякое даяніе благо — —“ внизу: „Всякъ даръ свыше есть“, на внутренней сторонѣ обложки: „Катеринѣ Николаевнѣ Ушаковой отъ А. П. 21 сентября 1829 Москва“, а на задней обложкѣ, съ наружной стороны: „Nec femina, nec puer“. Кромѣ того, Коммиссія прислала „Журналъ 71-го засѣданія Тверской ученой Архивной Коммиссіи 14 іюня 1899 г.“, въ коемъ заключается докладъ И. А. Иванова о пребываніи Пушкина въ Тверской губерніи (стр. 11 — 16).

Положено: возвратить книгу въ Коммиссію и выразить ей благодарность отъ имени Пушкинской Коммиссіи.

VIII. Дѣлопрозводитель доложилъ о полученныхъ изъ Одессы, при отношеніи Одесскаго градоначальника отъ 16 декабря, за № 23056, „Дѣлѣ о высылкѣ изъ Одессы въ Псковскую губернію Коллежскаго Секретаря Пуш-

кина“, на 33 л., 1824 г., и изъ Тифлиса, отъ Канцеляріи Штаба Кавказскаго Военнаго Округа отъ 13 декабря, за № 22613, „Дѣлѣ о стихотворцѣ Александрѣ Пушкинѣ. Начато отъ 12 мая 1829, кончено 4 іюня 1829, на 3-хъ листахъ“.

Положено: снять съ этихъ дѣлъ точныя копіи для Коммиссіи, а подлинники возвратить.

IX. Дѣлопроизводитель доложилъ о полученныхъ отъ Британскаго Музея, Парижской Національной Библіотеки, Королевскихъ Библіотекъ: Стокгольмской, Дрезденской и Вѣнской, Великогерцогской Веймарской и Югославянской Академіи отвѣтахъ о томъ, что Пушкинскихъ рукописей у нихъ не имѣется. Институтъ Оссолинскихъ въ Львовѣ отвѣтилъ, что въ немъ есть автографъ письма Пушкина, фотографическая копія съ котораго была уже прислана покойному Л. Н. Майкову, а Королевская Берлинская Библіотека, что въ ней хранится: „Сказка о мертвой царевнѣ“, 1833 г., на 11 страницахъ, стихотвореніе въ 11 строчекъ, отрывокъ стихотворенія и письмо къ Булгарину. Музей Королевства Чешскаго прислалъ фотографическій снимокъ съ хранящагося въ немъ автографа стихотворенія „О Делія драгая“. Въ Берлинскую Библіотеку написана уже, черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, просьба о присылкѣ имѣющихся въ ней автографовъ, а въ Британскій Музей, въ виду того, что въ немъ, по слухамъ, автографы Пушкина имѣются,

Положено: помимо отправленнаго уже черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ ходатайства о высылкѣ рукописей или снимковъ съ нихъ, просить представителя Англо-Русскаго Общества въ Лондонѣ навести въ Музеѣ справки о рукописяхъ Пушкина.

X. А. А. Шахматовъ представилъ обозрѣнію членовъ Коммиссіи рукописи Пушкина, полученныя Академіею въ даръ отъ Петра Николаевича Тургенева изъ Парижа.

XI. А. А. Шахматовъ представилъ хранившійся въ Рукописномъ Отдѣленіи Академической Библіотеки полученный отъ Над. Конст.390Дунинъ-Борковской портретъ (раскрашенная литографія) Е. Н. Ушаковой.

Положено: поручить дѣлопроизводителю сдѣлать съ портрета фотографическій снимокъ и разрисовать его акварелью, а подлинникъ возвратить г-жѣ Дунинъ-Борковской.

XII. По поводу портрета Ушаковой былъ поднятъ вопросъ вообще о портретахъ, которые могли-бы быть приложены къ Академическому изданію сочиненій Пушкина

Положено: признать весьма желательнымъ (какъ полагалъ и покойный Л. Н. Майковъ) украсить изданіе портретами всѣхъ, по возможности, лицъ, къ которымъ Пушкинъ имѣлъ то или иное отношеніе, какъ, напримѣръ, портреты его корреспондентовъ, лицъ, которымъ посвящены стихотворенія и т. п.

XIII. Дѣлопроизводитель при этомъ заявилъ, что въ с. Тригорскомъ находится превосходный портретъ самого Пушкина, рисованный карандашомъ Ж. Вернэ въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ и до сего времени не издававшійся удовлетворительно.

Положено: обратиться къ баронессѣ Софіи Борисовнѣ Вревской съ просьбою о присылкѣ въ Академію означеннаго портрета, для снятія съ него точной фотографической копіи.

XIV. Былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли въ органѣ Коммиссіи: „Пушкинъ и его современники" печатать протоколы засѣданій Коммиссіи.

Положено: печатать въ журналѣ Коммиссіи протоколы ея засѣданій въ возможной полнотѣ.

XV. В. И. Саитовъ доложилъ, что, со времени послѣдняго засѣданія Коммиссіи, имъ были получены авто-

графы писемъ и произведеній Пушкина (послѣднія, а именно: фотографическій снимокъ съ черновыхъ примѣчаній Пушкина къ „Евгенію Онѣгину“, „Зимняя дорога“, стихи къ князю П. П. Вяземскому (съ автографа послѣдняго), планъ „Дубровскаго“, а также варіанты къ „Гавриліадѣ“ по раннему списку, хранящемуся въ Собственной Его Величества Библіотекѣ въ копіи, снятой г. Саитовымъ, — были тутъ же переданы В. Е. Якушкину) отъ слѣдующихъ учрежденій и лицъ: Собственной Его Величества Библіотеки въ Зимнемъ Дворцѣ, Московскаго Румянцовскаго Музея, Публичной Библіотеки, 1-го Реальнаго Училища въ С.-Петербургѣ, Музея Королевства Чешскаго, Радищевскаго Музея въ Саратовѣ (приславшаго фотографическіе снимки съ писемъ, со стихотворенія „Перестрѣлка за холмами“ и рисунка Пушкина, въ немъ хранящихся), А. В. Половцова, В. Я. Брюсова, П. И. Бартенева, Е. Б. Зубовой, П. Н. Тургенева, Н. В. Быкова, А. И. Маркевича, В. И. Шенрока, Т. С. Львовой, (при посредствѣ А. І. Малеина), В. И. Яковлева, К. Я. Грота, А. И. Киселевой, — всего 117 писемъ Пушкина и къ нему; всѣмъ приславшимъ своевременно была выражена благодарность отъ имени Коммиссіи.

XVI. В. И. Саитовъ высказался о желательности обращенія къ сыновьямъ и дочери поэта: А. А. и Г. А. Пушкинымъ и М. А. Гартунгъ съ просьбою о сообщеніи Коммиссіи автографовъ ихъ отца, буде таковые у нихъ имѣются.

Положено: заготовить рескрипты отъ имени Президента и послать ихъ, по подписаніи, названнымъ лицамъ.

XVII. В. Е. Якушкинъ доложилъ собранію, что работы его надъ текстомъ II-го тома въ настоящее время имъ закончены, и что въ половинѣ мая с. г. онъ пришлетъ въ Академическую Типографію оригиналъ для набора, а тѣмъ временемъ будетъ обрабатывать примѣчанія къ

тексту. Имъ использованы рукописи Московскаго Румянцовскаго Музея и Императорской Публичной Библіотеки и всѣ, бывшія ему доступными, частныя собранія, что̀ дало ему возможность съ достаточною опредѣленностью выработать текстъ II-го тома.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Академикъ А. А. Шахматовъ высказался о желательности собиранія при Коммиссіи различныхъ печатныхъ работъ о Пушкинѣ, какъ уже ранѣе появившихся въ свѣтъ, такъ и имѣющихъ появиться, при чемъ онъ самъ,— равно и другіе члены Коммиссіи, присоединившись къ предложенію А. А. Шахматова, изъявили готовность пожертвовать для означеннаго собранія книги, брошюры и газетныя статьи. Собранію этому предположено отвести помѣщеніе въ Рукописномъ Отдѣленіи Академической Библіотеки, гдѣ въ настоящее время находится перевезенная изъ с. Ивановскаго, Бронницкаго уѣзда, библіотека Пушкина.

II.

Протоколъ засѣданія 30-го октября 1903 г.

Присутствовали: Предсѣдатель, академикъ А. Н. Веселовскій и члены: академики А. А. Шахматовъ и Ѳ. Е. Коршъ; П. Е. Рейнботъ, В. И. Саитовъ, И. А. Шляпкинъ и В. Е. Якушкинъ; дѣлопроизводитель Б. Л. Модзалевскій.

II. Предсѣдатель доложилъ выписку изъ протокола засѣданія Отдѣленія Русскаго языка и словесности отъ 11-го октября с. г., ст. XXI:

„Въ настоящемъ засѣданіи была доложена Отдѣленію справка относительно *бумаги для печатанія* II-го тома сочиненій А. С. Пушкина и представлены образцы бумаги.

Отдѣленіе постановило передать рѣшеніе этого вопроса въ Коммиссію по изданію сочиненій А. С. Пушкина". Въ справкѣ о бумагѣ, приложеной къ выпискѣ, сообщается, что 1-ое изданіе т. I-го Сочиненій напечатано было въ числѣ 1212 экз. на простой (125 стопъ) и 100 экз. на веленевой бумагѣ; 2-е изданіе т. I-го Сочиненій напечатано въ числѣ 1812 экз. на простой (188 стопъ) и 100 экз. на веленевой бумагѣ; четыре листа т. II-го Сочиненій напечатаны въ числѣ 3012 экз. на простой и 100 экз. на веленевой бумагѣ. Бумаги имѣется 484 стопы обыкновенной (бѣлой, по заказу покойнаго Л. Н. Майкова) и 28 стопъ веленевой, при чемъ бумага заказана была на счетъ Отдѣленія.

А. А. Шахматовъ при этомъ заявилъ, что въ складѣ типографіи, дѣйствительно, уже имѣется бумага, сдѣланная для т. II-го Сочиненій по заказу Л. Н. Майкова, и что бумаги этой хватитъ для простыхъ экземпляровъ II-го тома собранія сочиненій. Поэтому

Положено: печатать II-й томъ на имѣющейся уже бумагѣ, заказанной Л. Н. Майковымъ, а вопросъ о бумагѣ для слѣдующихъ томовъ отложить до будущаго засѣданія Коммиссіи, такъ какъ къ этому времени должны быть закончены работы образованной при Академіи Коммиссіи по вопросу объ улучшеніи качества бумаги, на которой будутъ впредь печататься всѣ вообще изданія Академіи Наукъ, и поручить дѣлопроизводителю Коммиссіи сдѣлать справку въ Академической Типографіи съ тѣмъ, чтобы выяснить, возможно-ли будетъ на ея машинахъ печатать Сочиненія Пушкина въ прежнемъ форматѣ, но на общеакадемической бумагѣ, нѣсколько бо́льшаго формата, чѣмъ заказывавшаяся Л. Н. Майковымъ.

III. Предсѣдатель сообщилъ, что по поводу заявленія его въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго языка и словесности 13-го сентября с. г. о составѣ *журнала* Коммиссіи: „Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія", о

размѣрахъ выпусковъ журнала въ годъ, о матеріалѣ для него и объ отплатѣ статей гонораромъ, Отдѣленіе постановило (ст. V протокола названнаго засѣданія): „1) просить предсѣдателя Коммиссіи, академика А. Н. Веселовскаго принять на себя завѣдываніе изданіемъ упомянутаго выше сборника, 2) объемъ годового выпуска опредѣлить въ 12 листовъ, 3) статьи означеннаго сборника оплачивать гонораромъ въ размѣрѣ 32 рублей за изслѣдованія и въ размѣрѣ 16 рублей за матеріалы“.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

IV. В. Е. Якушкинъ, представивъ Коммиссіи *оригиналъ текста* второй половины II-го тома Собранія сочиненій Пушкина (стихотворенія и поэмы 1821—1823 гг.), сдѣлалъ подробный докладъ о его работахъ надъ этимъ томомъ: о количествѣ піесъ, вошедшихъ въ него (совершенно новыхъ піесъ или черновыхъ набросковъ войдетъ въ него до 13 №№), о поправкахъ къ прежнимъ изданіямъ, сдѣланныхъ имъ на основаніи *печатнаго* текста прижизненныхъ изданій сочиненій поэта и по *черновымъ* рукописямъ, по достовѣрнымъ спискамъ, возстановляющимъ мѣста, искаженныя цензурой, и о хронологической послѣдовательности піесъ, имъ принятой.

Положено: принять къ свѣдѣнію, а оригиналъ текста поручить дѣлопроизводителю немедленно сдать въ Академическую Типографію.

V. В. Е. Якушкинъ представилъ обозрѣнію членовъ *образцы* набора и шрифтовъ Академической Типографіи для начинаемаго печатаніемъ II-го тома сочиненій.

Положено: утвержденный образцовый наборъ поручить дѣлопроизводителю передать Управляющему Типографіей Академіи, для свѣдѣнія.

VI. По поводу образцовъ шрифта для текста и примѣчаній, былъ снова поднятъ вопросъ о *подстрочныхъ* примѣчаніяхъ къ тексту стихотворныхъ произведеній. Послѣ

оживленныхъ преній, въ которыхъ приняли участіе всѣ члены Коммиссіи,

Положено: подтвердивъ прежнее постановленіе Коммиссіи, печатать въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту стихотвореній бѣловые варіанты изъ прижизненныхъ изданій произведеній поэта и бѣловыхъ рукописей его.

VII. По поводу запретныхъ піесъ и отдѣльныхъ мѣстъ изъ произведеній, подтверждено постановленіе Коммиссіи, сдѣланное въ засѣданіи 6-го декабря 1901 г. (п. II, б), о выдѣленіи въ особый томъ всѣхъ произведеній и мѣстъ изъ нихъ, безусловно не могущихъ, по цензурнымъ условіямъ, войти въ текстъ изданія, имѣющаго поступить въ продажу.

VIII. В. Е. Якушкинъ высказалъ желаніе, чтобы послѣдняя корректура каждаго листа II-го тома разсылалась всѣмъ членамъ Коммиссіи, для просмотра и замѣчаній. Члены Коммиссіи изъявили полную готовность принять на себя просмотръ листовъ въ корректурѣ, а потому

Положено: поручить дѣлопроизводителю, по полученіи изъ Типографіи экземпляровъ послѣдней корректуры, разсылать ее членамъ Коммиссіи, которые будутъ возвращать ее г. Якушкину непосредственно отъ себя, черезъ два-три дня по ея полученіи.

IX. В. Е. Якушкинъ сообщилъ, что имъ сдѣланы уже фотографическіе снимки съ тѣхъ рукописей Пушкина, которыя онъ находитъ желательнымъ помѣстить въ видѣ приложеній ко II-му тому сочиненій.

Положено: просить г. Якушкина привезти означенные снимки къ слѣдующему засѣданію Коммиссіи, для ихъ разсмотрѣнія.

X. По поводу поднятаго въ прошломъ засѣданіи вопроса о портретахъ, которые желательно было-бы приложить къ собранію сочиненій, и послѣ обмѣна мнѣній между членами Коммиссіи,

Положено: при томахъ стихотвореній Пушкина по-

мѣщать лишь портреты самого поэта; портреты-же его корреспондентовъ, во избѣжаніе задержки печатанія текста переписки, выдѣлить въ особый альбомъ, въ форматѣ собранія сочиненій.

XI. Въ виду неполученія отвѣта отъ графа С. Д. Шереметева на новую просьбу Коммиссіи о присылкѣ рукописей Пушкина (письмо Предсѣдателя Коммиссіи отъ 13-го октября, за № 165), В. И. Саитовъ просилъ Предсѣдателя лично повидаться съ графомъ, еще разъ передать ему ходатайство Коммиссіи и, въ случаѣ новаго неопредѣленнаго отвѣта, разрѣшить ему, г. Саитову, приступить къ печатанію переписки безъ свѣрки копій, сдѣланныхъ нѣкогда Л. Н. Майковымъ, съ подлинными рукописями.

Положено: исполнить просьбу В. И. Саитова, на что и А. Н. Веселовскій изъявилъ свое согласіе.

XII. Предсѣдатель доложилъ, что, благодаря стараніямъ дѣлопроизводителя Коммиссіи, Б. Л. Модзалевскаго, въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба удалось не только разыскать дѣло (I-го стола Канцеляріи Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства 1833 г., за № 27, на 34-хъ листахъ: „О доставленіи въ Канцелярію Военнаго Министерства свѣдѣній, имѣются-ли въ Архивѣ означеннаго Департамента донесенія графа Суворова-Рымникскаго 1794 и 1799 г., приказы его и слѣдственное дѣло о Пугачевѣ“), заключающее въ себѣ два собственноручныхъ письма Пушкина къ князю А. И. Чернышеву и одно—къ графу П. А. Клейнмителю, но что г. Начальникъ Главнаго Штаба, генералъ-лейтенантъ В. В. Сахаровъ согласился на передачу этого дѣла въ собственность Академіи Наукъ.

Положено: передать дѣло, для вѣчнаго храненія, въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Академіи Наукъ.

XIII. Предсѣдатель доложилъ, что Александръ Але-

ксандровичъ Пушкинъ, вслѣдствіе обращенія къ нему Августѣйшаго Президента Академіи отъ 22 апрѣля с. г., за № 152, прислалъ въ Коммиссію оригиналъ хранящагося у него дневника его отца. При этомъ В. И. Саитовъ представилъ копію съ дневника, свѣренную имъ, вмѣстѣ съ Б. Л. Модзалевскимъ, съ подлинною рукописью.

Положено: копію передать въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Академіи Наукъ, а подлинную рукопись возвратить А. А. Пушкину черезъ чиновника особыхъ порученій Академіи В. А. Рышкова, при поѣздкѣ его, въ ноябрѣ сего года, въ Москву.

XIV. Дѣлопроизводитель доложилъ, что при отношеніи Калужской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 1 октября с. г., за № 75, получены снимки съ хранящихся въ Музеѣ Коммиссіи писемъ поэта къ А. Н. Гончарову, и представилъ счетъ мѣстнаго фотографа Адамовича на 80 рублей за работу по исполненію 20 снимковъ.

Положено: оплатить счетъ изъ суммы, отпущенной на этотъ предметъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности, а снимки включить въ альбомъ, для этого заведенный.

XV. В. И. Саитовъ сообщилъ, что имъ въ послѣднее время получено свыше 30 писемъ Пушкина и къ нему отъ П. П. Анненкова, А. А. Бахрушина, П. Е. Рейнбота, И. А. Шляпкина, Калужской Ученой Архивной Коммиссіи и Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

XVI. По поводу подлинниковъ писемъ Пушкина къ женѣ, находящихся у графини Н. А. Меренбергъ,

Положено: просить И. А. Шляпкина, знакомаго съ дочерью графини Меренбергъ отъ перваго брака, Ниной Михайловной Кондыревой, рожд. Дубельтъ, повидаться съ послѣднею и просить ея ходатайства передъ матерью

ея о доставленіи рукописей или фотографій съ нихъ въ Коммиссію.

XVII. Для полученія отъ Александры Алексѣевны Майковой имѣющихся у нея автографовъ поэта и исполненія съ нихъ фотографическихъ снимковъ,

Положено: просить В. И. Саитова повидаться съ г-жею Майковой и получить отъ нея автографы, съ коихъ сдѣлать снимки.

XVIII. В. Е. Якушкинъ передалъ В. И. Саитову копіи съ писемъ Пушкина, имѣющіяся у его отца, Е. И. Якушкина: къ А. А. Ананьину, г. Зеновичу, П. Я. Чаадаеву и Н. И. Хмельницкому.

XIX. Дѣлопроизводитель доложилъ о выходѣ изъ печати I-го выпуска журнала Коммиссіи: „Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія", экземпляры котораго розданы были всѣмъ присутствовавшимъ въ засѣданіи членамъ Коммиссіи.

Положено: по полученіи матеріаловъ для II-го выпуска, уже обѣщанныхъ нѣкоторыми лицами, приступить къ печатанію его, размѣромъ до 6 печатныхъ листовъ, со включеніемъ въ него протоколовъ засѣданій Коммиссіи съ марта 1903 г.

III.

Протоколъ засѣданія 17-го февраля 1904 г.

Присутствовали: Предсѣдатель, академикъ А. Н. Веселовскій, члены: академики А. А. Шахматовъ и Ѳ. Е. Коршъ; П. Е. Рейнботъ, В. И. Саитовъ, И. А. Шляпкинъ и В. Е. Якушкинъ; дѣлопроизводитель Б. Л. Модзалевскій.

II. Предсѣдатель доложилъ, что, исполняя желаніе В. И. Саитова, онъ былъ у графа С. Д. Шереметева и,

не заставъ его дома, получилъ отъ него письмо отъ 20-го декабря 1903 г., въ коемъ графъ пишетъ, что, затрудняясь выпиской въ Петербургъ принадлежащихъ ему автографовъ Пушкина, онъ предлагаетъ поручить кому-либо, въ маѣ мѣсяцѣ 1904 г., произвести на мѣстѣ, въ с. Михайловскомъ, Подольскаго уѣзда Московской губерніи, свѣрку копій писемъ съ ихъ подлинниками.

Положено: Поручить дѣлопроизводителю Б. Л. Модзалевскому, списавшись весною съ графомъ С. Д. Шереметевымъ, отправиться въ с. Михайловское и на мѣстѣ сдѣлать свѣрку текста писемъ и произведеній Пушкина съ оригинальными рукописями.

III. И. А. Шляпкинъ сообщилъ, что, во исполненіе возложеннаго на него Коммиссіею порученія, онъ просилъ проф. И. Я. Фойницкаго переговорить съ Н. М. Кондыревой, рожд. Дубельтъ, по вопросу о письмахъ Пушкина къ женѣ. Г-жа Кондырева обѣщала г. Фойницкому оказать возможное съ ея стороны содѣйствіе къ полученію Коммиссіею отъ графини Меренбергъ названныхъ писемъ Пушкина.

V. Дѣлопроизводитель представилъ обозрѣнію членовъ Коммиссіи присланный баронессою Софіею Борисовною Вревской портретъ Пушкина, работы J. Vernet, находившійся до сего времени въ с. Тригорскомъ, и просилъ дать ему указанія, какимъ способомъ слѣдуетъ исполнить воспроизведеніе портрета и гдѣ заказать исполненіе его для II-го тома Сочиненій.

Положено: заказать въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ фотографію съ портрета, въ размѣрѣ оригинала, посовѣтоваться тамъ со спеціалистомъ о возможно лучшемъ и близкомъ къ подлиннику способѣ воспроизведенія портрета и взять образцы различныхъ способовъ печатанія, для представленія въ слѣдующемъ засѣданіи Коммиссіи.

VI. В. Е. Якушкинъ доложилъ, что въ доставленной ему И. А. Шляпкинымъ принадлежащей послѣднему тетради съ копіями произведеній Пушкина, сдѣланными П. В. и Ив. В. Анненковыми онъ нашелъ немало новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ стиховъ поэта, дополняющихъ то или иное стихотвореніе, любопытные варіанты, отрывки и т. под., которыми и воспользовался для своихъ цѣлей.

VII. В. Е. Якушкинъ сообщилъ, что отъ г. Юрьевича, Курскаго помѣщика, внука С. А. Юрьевича, одного изъ воспитателей Императора Александра II, онъ получилъ чрезвычайно любопытный автографъ стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ (на бумагѣ 1829 г.), который далъ нѣсколько существенныхъ варіантовъ къ установившемуся въ печати тексту названнаго произведенія.

VIII. В. И. Саитовъ просилъ у И. А. Шляпкина содѣйствія къ полученію необходимыхъ ему оригиналовъ писемъ разныхъ лицъ къ Пушкину, обнародованныхъ въ трудѣ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“. И. А. Шляпкинъ обѣщалъ доставить г. Саитову просимыя имъ рукописи.

IX. В. И. Саитовъ сообщилъ, что въ настоящее время имъ почти уже закончена провѣрка датировки писемъ Пушкина и къ нему, и что онъ получилъ автографы писемъ Пушкина отъ П. Е. Рейнбота, Д. С. Нечаева (черезъ С. Г. Рункевича) и изъ Пушкинскаго Музея при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ.

X. В. И. Саитовъ сообщилъ, что г. Министръ Юстиціи разрѣшилъ ему извлеченіе различныхъ біографическихъ свѣдѣній изъ Сенатскаго Архива, для комментаріевъ біографическаго характера къ перепискѣ Пушкина.

XI. Дѣлопроизводитель доложилъ, что, во исполненіе даннаго ему порученія, онъ наводилъ справку въ Академической Типографіи относительно возможности печатанія Собранія сочиненій Пушкина въ прежнемъ форматѣ

на обще-академической бумагѣ, и что Управляющій Типографіею далъ положительный отвѣтъ по этому вопросу.

XII. Дѣлопроизводитель представилъ фотографическій снимокъ, въ размѣрѣ подлинника, съ автографа Пушкина, хранящагося въ Музеѣ Виленскаго Военнаго Собранія, полученный при любезномъ воздѣйствіи А. В. Жиркевича.

Положено: включить означенный снимокъ въ альбомъ съ прочими фотографическими снимками.

Автографы Пушкина,

поступившіе въ библіотеку Императорской Академіи наукъ въ 1903-мъ году.

Въ рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи наукъ въ теченіе минувшаго 1903 года поступило девять автографовъ Пушкина. Пріобрѣтеніемъ этимъ Академія наукъ обязана П. Н. Тургеневу и Общему архиву Главнаго штаба. Представляя опись автографовъ, въ приложеніи къ нимъ сообщаю свѣдѣнія о полученныхъ библіотекою въ томъ же 1903 г. спискахъ съ произведеній Пушкина, изъ которыхъ наиболѣе цѣненъ близкій по времени къ подлиннику списокъ съ письма Пушкина къ бар. Геккерену (отъ барона Мейендорфа), и правленныхъ И. С. Тургеневымъ корректурныхъ листахъ писемъ Пушкина къ женѣ (отъ М. М. Стасюлевича).

1. **Первая глава „Евгенія Онѣгина“.** Рукопись въ 8-ю долю, на 30-ти листахъ. Посвященіе, заглавіе, пять страницъ текста въ началѣ и двѣ въ концѣ писаны самимъ Пушкинымъ; ему же принадлежатъ поправки и передѣлки во всей остальной рукописи, писанной переписчикомъ; всѣ окончательныя поправки рукописи, сдѣланныя Пушкинымъ, вошли въ печатный текстъ; оставшихся непоправленными, несходныхъ съ извѣстнымъ текстомъ мѣстъ немного, въ строфахъ, писанныхъ самимъ Пушкинымъ, ихъ всего два. Примѣчанія къ тексту, въ изданіяхъ на-

печатанныя, въ рукописи или совсѣмъ отсутствуютъ, или только отмѣчены въ текстѣ звѣздочками, или приведены подъ строкой одними начальными словами. Послѣ XVII-й строфы въ рукописи идетъ та, которая потомъ названа XX-ой; нынѣшняя строфа XVIII („Волшебный край...“) и XIX („Мои богини...“) приписаны въ концѣ рукописи рукою Пушкина; нумерація же строфъ XVIII-й и слѣд. прежняго счета) переправлена рукой Пушкина въ XX и пр. Вслѣдъ за строфой XXXVI-й (или по исправленному тексту XXXVIII — „Недугъ, котораго причину...“) слѣдовала непосредственно строфа, начинающаяся словами „Причудницы большого свѣта...“ (по первому счету XLIII); затѣмъ послѣ строфы XXXVI-й (стараго счета) поставлено карандашемъ многоточіе и цифры XXXVII, XXXVIII, XXXIX; когда послѣ были прибавлены дополнительныя строфы XVIII и XIX, измѣнившія нумерацію, при переправкѣ цифръ была пропущена цифра XXXIX; вслѣдствіе этого дальнѣйшій счетъ оказался невѣрнымъ и въ главѣ 1-й общее число строфъ вышло не шестьдесятъ, а шестьдесятъ одна (послѣдняя строфа ошибочно по первому счету названа LV-й). Еще слѣдуетъ указать различіе съ нынѣ принятымъ текстомъ въ порядкѣ строфъ: строфа XLV („Условій свѣта свергнувъ бремя...“) въ рукописи поставлена вслѣдъ за XLVI-й („Кто жилъ и мыслилъ...“) согласно съ 1-мъ изданіемъ Евгенія Онѣгина 1825 г.; перестановка введена съ изд. 1838 г.

л. 1. Посвященіе: „Посвящено брату Льву Сергѣевичу Пушкину“ (какъ въ 1-мъ изд. 1825 г.). Внизу карандашемъ приписано „Pouchkine“ — отмѣтка, сдѣланная, вѣроятно, кѣмъ-нибудь изъ Тургеневыхъ — дѣтей Н. И. Тургенева, которымъ принадлежала рукопись.

л. 2. Заглавіе: Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Сочиненіе А. П. . . .

л. 2 об. Эпиграфъ. Первоначальный текстъ: „*Pas entierement exempt* de vanité il avait encore plus de....“ и пр., какъ въ печатномъ; первыя три слова зачеркнуты и надъ ними карандашемъ надписано „Pêtri“ (какъ въ печатномъ).

л. 3. „Глава первая“. Эпиграфа изъ кн. Вяземскаго нѣтъ (какъ и въ изд. 1825 г.). Представляю первоначальный текстъ, поправки Пушкина и разночтенія сравнительно съ изданіемъ 1838 г., изданіемъ литературнаго фонда и 1-мъ изд. Евгенія Онѣгина 1825 г. (первая цифра обозначаетъ строфу, вторая — строку):

I. 6. Но, Боже мой, какая *мука* (вм. печатн. „скука“).

II. 1. Такъ *мыслилъ* молодой повѣса (вм. „думалъ“).

XV. 14. Не *прогремитъ* ему обѣдъ. Пушкинымъ поправлено „не прозвонитъ“ (какъ въ печатн.).

XVI. 6. *К . . . инъ* (въ новыхъ изд. „Каверинъ“); *К* зачеркнуто Пушкинымъ; въ изд. 1825, 1838 — ***.

XVI. 9 — 11. Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
Двойной бекасъ и винигретъ,
И трюфли, роскошь юныхъ лѣтъ.

Вторая строка зачеркнута и сверху Пушкинымъ надписано: „Французкой кухни лучшій цвѣтъ“, и затѣмъ измѣненъ порядокъ 2-й и 3-й строкъ (какъ въ печатн.).

XVIII. 10. Вм. печатн. „Шаховской“ — *Ш . . .*; потомъ карандашемъ приписана фамилія, но не рукой Пушкина.

XX. 14. И *гибкой* ножкой ножку бьетъ; Пушкинымъ поправлено „быстрой“ (какъ въ печатн.).

XXII. 5 — 6. Еще не перестали *хлопать*
Обшикивать, чихать и топать.

Потомъ поправлено (какъ въ печатн.):

. . . . топать
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать.

XXII. 8. *Театра блещутъ* фонари.

Поправлено въ

Блистаютъ *люстры*, фонари.

Потомъ сл. „люстры“ зачеркнуто и впереди приписано „вездѣ“, какъ вошло въ печатный текстъ.

XXV. 5. Вм. нов. печатн. „Каверинъ“ въ рукоп.: *Ч....*; въ изд. 1825, 1838 — ***.

XXVI. 13 — 14. *Академическій словарь*
Мнѣ не законъ, какъ было встарь.

Потомъ передѣлано (какъ въ печатн.):

Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій словарь.

При этомъ мѣстѣ начало примѣчанія „Нельзя не пожалѣть etc.“.

XXVII. 5. Сл. „померкшими“ вставлено Пушкинымъ.

XXVII. 14. *Дѣвицъ* и дамъ и чудаковъ.

Карандашемъ зачеркнуто „дѣвицъ“ и вставлено передъ сл. „чудаковъ“ „модныхъ“ (какъ въ печатн.).

XXVIII. 2. *Звонокъ раздался;* онъ стрѣлой...

Осталось въ рукописи безъ поправки (въ изд. „Швейцара мимо...“).

XXIX. 13 — 14. Я это *для того* пишу,
Чтобъ доказать, что не грѣшу.

Карандашемъ переправлено въ

Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу,

какъ въ печатн.

XXX. 12 — 14. . . . . Грусный, охладѣлой,
И нынче иногда во снѣ
Онѣ *смущаютъ* сердце мнѣ.

Осталось неисправленнымъ; подъ строкою рукой Пушкина приписано: „Непростительный галлицизмъ. Соч.“. Въ 1-мъ изд. примѣчаніе это сохранилось, но, кажется, случайно, потому что стихи рукописи были исправлены такъ:

...Грустный, охладѣлой,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ смущаютъ сердце мнѣ.

Въ этой редакціи галлицизма уже не было. Въ нынѣ принятомъ текстѣ съ 1838 г. вм. „смущаютъ“ (какъ въ 1825) „тревожатъ“.

XXXI. 12. И край отцовъ и заточенье.

Къ этой строкѣ внизу страницы предположительная поправка:

И безъ друзей уединенье.

XXXII. 14. *Въ саняхъ и* на гранитѣ скалъ.

Затѣмъ переправлено (какъ въ печатн.):

У моря, на гранитѣ...

XXXIII. 4. Съ любовью пасть...

Переписчикомъ переправлено „лечь“ (какъ въ печатн.).

XXXIV. 2. Въ *веселыхъ* иногда мечтахъ

Поправлено „въ завѣтныхъ...“ (какъ въ печатн.).

XXXIV. 5—7. Опять *волнуюсь умиленьемъ,*
Опять ея прикосновенье*мъ*
Кипитъ въ *усталомъ* сердцѣ кровь...

Переправлено карандашемъ:

Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ *усталомъ* сердцѣ кровь.

Въ печатн. ред. „въ увядшемъ сердцѣ“.

XXXV. 14. Ужъ отворялъ свой *Wass ist dass.*

Пушкинымъ поправлено „васъ-исдасъ“ (въ печатн. „висисдасъ“).

XXXVI. 5. Проснется *въ* полдень *онъ* и снова

Переправлено: „за полдень и снова“ (какъ въ печатн.).

XXXVII. 13—14. Но *предлагать имъ* наконецъ
Усталъ онъ саблю *иль* свинецъ.

Переправлено (какъ въ печатн.):

Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII. 3. *Подобье англинскаго сплина,*
Яснѣе русская хандра.

Переправлено карандашемъ (какъ въ печатн.):

Подобный англинскому сплину,
Короче русская хандра.

XLII (въ рук. XLIII). 4.

Довольно скученъ *лучшій* тонъ.

Такъ и въ 1-мъ изд.; въ нын. текстѣ съ 1838 г. „высшій“.

XLII-XLIII. 9. Къ тому жъ онѣ такъ *величавы.*

Такъ въ 1-мъ изд.; въ нын. текстѣ съ 1838 г.: „непорочны“.

XLII-XLIII. 10. Такъ *непорочны,* такъ умны.

Такъ въ 1-мъ изд.; въ нын. съ 1838 г. текстѣ: „величавы“.

XLII-XLIII. 12. Такъ *чисты ихъ святые нравы.*

Переправлено карандашемъ:

Такъ *чисто сохраняютъ нравы.*

Такъ въ 1-мъ изд.; въ обычномъ текстѣ:

Такъ осмотрительны, такъ точны.

XLIII-XLIV. 1. И вы, *красотки* молодыя.

Поправлено „гетеры“, потомъ снова поставлено „красотки“ (какъ и въ печатн.).

XLIII-XLIV. 3. Уносятъ дрожки *бѣговыя.*

Потомъ поправлено „удалыя“ (какъ въ печатн.).

XLIII-XLIV. 14. *За то,* что къ нимъ принадлежу.

Переправлено „затѣмъ“ (какъ въ печатн.).

XLIV-XLV. 7. Тамъ скука, *тутъ* обманъ и бредъ.

Въ изд. „тамъ“.

XLV-XLVII. 8. Я былъ *сердитъ,* онъ *былъ* угрюмъ.

Переправлено (какъ въ печатн.):

Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ.

XLV-XLVII. 13. *Судьбы,* фортуны и людей.

Переправлено: „слѣпой фортуны...“ (какъ въ печатн.).

XLVI. 2. Случайная ошибка переписчика въ порядкѣ словъ, поправленная Пушкинымъ „не презирать людей“.

XLVI. 13 — 14. И шуткѣ съ желчью пополамъ,
И злости мрачныхъ эпиграммъ.

Такъ въ изд. 1825 г.; въ изд. 1838 г. „къ шуткѣ“; въ изд. Анненкова и слѣд. „къ шуткѣ... къ злости“.

XLVII-XLVIII. 8. Строка вписана Пушкинымъ (переписчикомъ пропущена случайно).

XLIX-L. 9. Я нѣгой *услажусь.*

Поправлено „наслажусь“ (какъ въ печатн.).

XLIX-L. 13. *Тамъ* обрѣтутъ.

Поправлено „съ ней“... (какъ въ печатн.).

LIII-LIV. Строки 2-я и 4-я поставлены одна вмѣсто другой; порядокъ исправленъ рукой Пушкина.

LIII-LIV. 11. . . . *и* досель; такъ и въ 1-мъ изд.; въ нын. текстѣ съ 1838 г. „а досель“.

LIV-LV. 6. Его не *забавляли* болѣ; въ печатн. „не занимали“.

LV-LVI. 10. Читаю мало, *домо* сплю; въ печатн. „много“.

LVI-LVII. 3. *И* радъ замѣтить *эту* разность.

Поправлено (какъ въ печатн.):

Всегда я радъ замѣтить разность.

LVI-LVII. 13. Писать *иное что любя,*
А только *про самихъ себя.*

Поправлено (какъ въ печатн.):

Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ.

LVII-LVIII. 7. Такъ я *безпечный* воспѣвалъ.

Поправлено „безпеченъ“ (какъ въ печатн.).

LX-LXI. 10. Плоды трудовъ *моихъ* отдамъ.

Такъ въ 1-мъ изд. и у Анненкова; нынѣ поправлено „своихъ“.

Рукопись принесена въ даръ П. Н. Тургеневымъ. Собр. автогр. (Пушкинъ, 1).

2. **Письмо Пушкина къ С. И. Тургеневу** 1821 года. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Письмо было напечатано въ Вѣстникѣ Европы, 1880, № 12, стр. 819 — 820, подъ за-

главіемъ „Изъ Пушкинской переписки“; подъ строкой помѣщена краткая объяснительная замѣтка И. С. Тургенева о помѣщаемыхъ имъ двухъ письмахъ А. С. Пушкина и одномъ С. Л. Пушкина, предоставленныхъ въ его распоряженіе семействомъ Николая Ивановича Тургенева, въ архивѣ котораго они хранились. Письмо помѣчено только 21 августа; годъ выставленъ Тургеневымъ по предположенію. Въ печатный текстъ письма вкралась одна опечатка: въ фразѣ „дѣло шло о моемъ изгнаніи“ слѣд. читать „объ моемъ...“; кромѣ того не приведенъ адресъ, помѣщенный на обор. 2 л. письма: „Сергею Ивановичу Тургеневу“. При письмѣ Пушкина приложено письмо И. С. Тургенева къ М. М. Стасюлевичу, почти цѣликомъ вошедшее въ упомянутое подстрочное примѣчаніе къ письмамъ (с. 819).

Рукопись принесена въ даръ П. Н. Тургеневымъ.

Собр. автогр. (Пушкинъ, 4).

3—4. **Два письма Пушкина къ А. И. Тургеневу.** 1) Въ четвертку, на 2-хъ листахъ, 2) на обрывкѣ бумаги. Первое письмо было напечатано И. С. Тургеневымъ вмѣстѣ съ другими письмами А. С. Пушкина и его отца въ Вѣстникѣ Европы, 1880, № 12, стр. 820 — 821 (см. выше), второе — короткая записочка — напечатано не было. Первое письмо, помѣченное только 14 іюля, отнесено И. С. Тургеневымъ къ 1823 году, но это, кажется, невѣрно: въ немъ говорится о непріятностяхъ съ Воронцовымъ, которыя произошли весной и лѣтомъ 1824 г. Второе письмо писано наканунѣ дуэли, т. е. 26 января 1837 года. Въ печатномъ текстѣ перваго письма послѣ сл. „Вандалъ, придворный“ вм. точекъ слѣдуетъ поставить „хамъ“; не приведенъ въ изданіи адресъ, написанный рукою Пушкина на об. второго листа письма: „A Monsieur Monsieur Tourguenief a St.-Petersbourg“. Въ запискѣ Пушкина (на клочкѣ синей бумаги) всего восемь словъ: „Не могу отлучиться. Жду васъ до 5

часовъ". На оборотѣ рукой А. И. Тургенева приписано: „Послѣдняя записка ко мнѣ Пушкина наканунѣ дуэля".

Письма принесены въ даръ П. Н. Тургеневымъ. Собр. автогр. (Пушкинъ, 2, 3).

5—6. **Два письма Пушкина къ Н. Н. Раевскому** о „Борисѣ Годуновѣ" 1825 и 1829 гг. (въ черновикахъ). Въ четвертку, на 3-хъ и 4-хъ листахъ. Оба письма писаны по французски; много помарокъ и передѣлокъ. Первоначально письма были изданы въ Матеріалахъ П. В. Анненкова (стр. 442—445) съ большими пропусками, обусловленными требованіями цензуры; въ полномъ видѣ письма появились только въ 1881 г. въ Вѣстникѣ Европы (№ 2, стр. 643—649) въ сопровожденіи обстоятельнаго введенія и примѣчаній В. П. Гаевскаго. Въ изданіе это, исполненое очень тщательно, вкралось нѣсколько неточностей. Въ 1-мъ письмѣ (л. 2 об. = стр. 646) въ изд. читается choses les plus étranges; въ оригиналѣ первоначально было: choses les plus triviales; затѣмъ вм. послѣдн. слова, зачеркнутаго, поставлено étrangeres à ses passions: вѣроятно, такъ и слѣдуетъ читать, хотя сл. à ses passions и зачеркнуто; передъ сл. (тамъ же) De là cette gène . . . въ подл. стоитъ незачеркнутое Voyez Sch (это, вѣроятно, должно быть зачеркнуто). Во второмъ письмѣ (л. 2 = стр. 647) послѣ сл. elle est horriblement polonaise comme le стоитъ сл. disait, пропущенное въ изданіи, затѣмъ уже слѣдуетъ зачеркнутая неразборчивая фраза, какъ отмѣчено Гаевскимъ (кажется написано la cousine de M-le M.... s...irska); на л. 4-мъ (стр. 648, 3 строка снизу) вм. que diable слѣд. читать quel diable; наконецъ, дата читается не 30 j., а 30 jan. Этими указаніями ограничиваются всѣ поправки къ изданію Гаевскаго. При обоихъ письмахъ нѣтъ имени лица, которому они адресованы, а при первомъ нѣтъ и даты: и то и другое опредѣляется издателемъ предположительно, но, можно думать,

правильно. Подробности относительно этого вопроса см. въ предисловіи В. П. Гаевскаго.

Рукописи принесены въ даръ П. Н. Тургеневымъ. Собр. автогр. (Пушкинъ, 5, 6).

7. **Дѣло о доставленіи Пушкину** изъ архива военнаго министерства рукописей для составленія „Исторіи Пугачевскаго бунта“ 1833 — 1836 гг. Въ листъ и четвертку на 56-ти листахъ (лл. 38—56 чистые), въ бумажной обложкѣ.

На обложкѣ слѣд. заглавіе: „№ 27. Дѣло по 1 столу канцеляріи инспекторскаго департамента военнаго министерства о доставленіи въ канцелярію военнаго министерства свѣдѣнія: имѣются ли въ архивѣ сего департамента донесенія графа Суворова-Рымникскаго 1794 и 1799 годовъ, приказы его и слѣдственное дѣло о Пугачевѣ; — сдѣсь же заключается и переписка, производившаяся по сему предмету въ канцеляріи военнаго министерства. Начато 13 февраля 1833 года, кончено 29 генваря 1836 года. На 34-хъ листахъ. № 40-й. Сдано въ архивъ 13 іюля 1836 года“.

Въ дѣлѣ 34 номера бумагъ: №№ 1 и 14 заключаютъ описи ихъ, №№ 16, 22 и 30 — собственноручныя письма Пушкина. Первыя два письма адресованы гр. Александру Ивановичу Чернышеву, третье — Петру Андр. Клейнмихелю. Въ первомъ письмѣ (7 февр. 1833 г.) Пушкинъ проситъ графа Чернышева разрѣшить воспользоваться находящимися въ архивахъ главнаго штаба слѣд. документами: 1) слѣдственнымъ дѣломъ о Пугачевѣ, 2) донесеніями гр. Суворова во время кампаніи 1794 г. 3) донесеніями его 1799 г. и 4) приказами его по войскамъ. Во второмъ письмѣ (8 марта 1833 г.) Пушкинъ благодаритъ гр. Чернышева за присылку рукописей и проситъ доставить ему еще донесенія въ военную коллегію ген-анш. Бибикова, а также рапорты кн. Голицына, Михельсона и Суворова. Въ третьемъ письмѣ (отъ 19 ноября 1835 г.)

Пушкинъ, извѣщая Клейнмихеля о возвращеніи въ военное министерство взятыхъ рукописей, проситъ доставить „послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 года)“.

Дѣломъ этимъ пользовался Я. К. Гротъ при составленіи статьи своей „Занятія Пушкина“, напечатанной впервые въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1862 г., т. XLII, № 12.

Поступило изъ общаго архива главнаго штаба.

42. 9. 3.

8. **Современная копія съ письма Пушкина барону Геккерену** 26 янв. 1837 года. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. На об. л. 4-го приписка „Документъ этотъ принадлежитъ наслѣдникамъ покойнаго ген.-адъютанта барона Мейендорфа, бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ секретаремъ голландскаго посольства бар. Геверсомъ, отъ котораго, предполагается, и получено это письмо“; подъ припиской подпись „Свиты Его Величества генералъ-маіоръ бар. Мейендорфъ. 1879 г.“. Очевидно, авторъ приписки принималъ настоящую рукопись за подлинную руки Пушкина.

Рукопись поступила отъ бар. Мейендорфа.

42. 9. 4.

9. **„Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина** въ спискѣ 1828 года. Въ восьмую долю, на 13-ти листахъ.

Поступило отъ В. П. Никитина.

45. 8. 140.

10. **„Полтава“ Пушкина.** Списокъ поэмы, переписанный въ 1829 г. по мнѣнію прежняго владѣльца, въ Сибири однимъ изъ декабристовъ (поэма относится къ 1828). Рукопись въ четвертку, на 38-ми листахъ (бумага 1826 г.), въ бумажной обложкѣ. На листѣ 1-мъ заглавіе „Полтава Поэма Александра Пушкина 1829“. Подъ датой приписка шифромъ: очевидно подпись переписчика. Къ

рукописи приложены двѣ газетныя вырѣзки, сообщающія исторію списка.

Рукопись поступила отъ А. И. Яцимирскаго. По инвент. кат. Яцимирскаго № 90.

11. **Правленные И. С. Тургеневымъ корректурные листы писемъ Пушкина къ женѣ** съ предисловіемъ М. М. Стасюлевича (корректуры относятся къ ноябрю 1877 г.). Въ открытый листъ, на 17 листахъ (корректуры въ гранкахъ—35 полосъ). Письма были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1878 годъ (№№ 1 и 3) подъ заглавіемъ „Новыя письма А. С. Пушкина, іюль 1830 — май 1836 г.“; трудъ редактированія писемъ, по просьбѣ обладательницы писемъ дочери Пушкина графини Н. А. Меренбергъ, взялъ на себя И. С. Тургеневъ. Одиннадцать изъ 74-хъ писемъ къ женѣ и одно письмо къ тещѣ Н. И. Гончаровой писаны по французски и въ нашемъ экземплярѣ представлены только въ русскомъ переводѣ, значительно исправленномъ въ корректурѣ Тургеневымъ; всѣ остальныя письма писаны по русски. Главное значенье корректуры русскихъ писемъ заключается въ томъ, что въ ней текстъ писемъ является въ полномъ и не измѣненномъ редакціей видѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ корректура интересна въ томъ отношеніи, что изъ нея наглядно видѣнъ характеръ поправокъ Тургенева: въ изданный въ „Вѣстникѣ Европы“ текстъ писемъ многія поправки Тургенева не введены и текстъ представленъ въ болѣе неприкосновенномъ видѣ, чѣмъ предполагалъ Тургеневъ. Исправленія текста по преимуществу дѣлались Тургеневымъ изъ чувства приличія, какъ и большая часть сокращеній; но, обозначая сокращенія точками, поправки текста редакторъ предполагалъ оставить безъ всякихъ оговорокъ; характеръ поправокъ видѣнъ изъ слѣдующихъ примѣровъ: вм. „выблядокъ“ (въ письмѣ № 64) поставлено незаконный (въ изд. „в....“ и поясненіе словомъ „незаконный“ въ скоб-

кахъ), вм. „перождешъ свои времяны“ (въ № 49) — свое нездоровье (въ изд. „....“), вм. „упекъ въ камеръ пажи“ (въ № 42) — произвелъ (въ изд. оставлено „упекъ“), вм. „во время регулъ“ (т. ж.) — нездоровья (въ изд. „болѣзни“), вм. „не сводничай“ (въ № 20) — не услуживай (въ изд. „....“), въ фразѣ „къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не намѣренъ“ (въ № 42) послѣднія слова замѣнены „не буду“ (какъ и въ изданіи) и пр.; фамиліи нерѣдко замѣняются начальными буквами и часто безъ видимаго повода. Нельзя не отмѣтить, что настоящія письма въ слѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина обыкновенно перепечатывались съ текста, напечатаннаго въ „Вѣстникѣ Европы“, и поэтому повторили всѣ поправки и всѣ пропуски Тургенева. На первомъ листѣ корректуры приписка М. М. Стасюлевича къ И. С. Тургеневу съ просьбой написать предисловіе къ письмамъ.

Принесено въ даръ М. М. Стасюлевичемъ.

42. 9. 1.

Дневникъ Пушкина за 1833 — 1835 гг. Списокъ нынѣшняго времени съ рукописи, принадлежащей А. А. Пушкину. Въ листъ, на 31 листѣ. Дневникъ напечатанъ съ большими пропусками въ „Русской мысли“ 1880 г. и „Русскомъ архивѣ“ того же года, и затѣмъ перепечатывался въ „Полныхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина“.

Поступилъ изъ академической коммиссіи по изданію сочиненій Пушкина.

42. 9. 2.

В. И. Срезневскій.

Изъ семейнаго архива Раевскихъ.

Отношенія Пушкина къ семейству Раевскихъ и его дружескія связи съ ними достаточно извѣстны по работѣ Л. Н. Майкова „Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ. Замѣтки по поводу одного письма“ [1]). Зная со словъ покойнаго Леонида Николаевича, что онъ очень хотѣлъ подробнѣе ознакомиться съ фамильнымъ архивомъ членовъ этой семьи, и что смерть помѣшала ему привести въ исполненіе его желаніе въ полной мѣрѣ, я задался цѣлью, обратившись къ потомкамъ Н. Н. Раевскаго по мужской линіи, навести справки въ его бумагахъ, съ тѣмъ, не окажется-ли среди послѣднихъ матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину — его автографовъ, переписки между членами семьи Раевскихъ за 1820 — 1830-е годы и т. под. Благодаря любезности нынѣшняго владѣльца бумагъ, Петра Михайловича Раевскаго, мнѣ удалось пересмотрѣть бумаги его дѣда, Николая Николаевича Раевскаго младшаго, но, къ сожалѣнію, въ нихъ нашлось весьма немногое, ибо большей части переписки не сохранилось или она еще не разыскана.

Въ бумагахъ Раевскаго оказались: автографы стихотвореній 1) „Земля и море“, 2) „Изъ Гафиза“ и 3) отрывокъ изъ III главы „Евгенія Онѣгина“ (строфы XVII —

1) Л. Н. Майковъ. „Пушкинъ“, С.-Пб. 1899, стр. 137 — 161.

XX), 4) письмо Сергѣя Львовича Пушкина къ Н. Н. Раевскому отъ 20-го апрѣля 1837 г.[1]), съ приложенною къ нему копіею съ письма княгини Е. Н. Мещерской къ С. Л. Пушкину, сдѣланною рукой послѣдняго[2]), 5) черновикъ письма Н. Н. Раевскаго къ Пушкину отъ 10-го мая 1825 г.[3]), 6) письмо Льва Сергѣевича Пушкина къ брату отъ 24-го іюля 1831 г. и 7) письмо баронессы Юліи Беркгеймъ къ Н. Н. Раевскому, изъ Одессы, касающееся, между прочимъ, смерти Пушкина.

Писемъ Пушкина къ Н. Н. Раевскому, извѣстныхъ лишь по черновымъ наброскамъ, въ бумагахъ къ сожалѣнію не оказалось.

Автографы стихотвореній „Земля и море“ и „Изъ Гафиза“ были уже использованы Л. Н. Майковымъ и вошли въ изданные въ 1902 г. „Матеріалы для Академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина“, но, въ виду того, что Леонидъ Николаевичъ не ставилъ себѣ задачею точное воспроизведеніе ороографіи Пушкина, считаю умѣстнымъ сообщить здѣсь эти стихотворенія въ томъ точно видѣ, какъ они сохранились въ автографахъ[4]).

Къ этимъ матеріаламъ присоединяю письмо Жуковскаго къ Н. Н. Раевскому, сохранившееся въ бумагахъ послѣдняго.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и [нѣжно] тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны робкіе лелѣетъ;

---

1) напечатано Л. Н. Майковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1899 г., № 5, стр. 263 — 264.

2) напечатано, по другой копіи, въ книгѣ Я. К. Грота „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, С.-Пб. 1899, стр. 258 — 260.

3) напечатанъ въ книгѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, стр. 143 — 144.

4) Въ прямыя скобки заключены слова, въ подлинникахъ зачеркнутыя.

Заботъ и думъ слогая грузъ
Тогда лѣнюсь я веселѣе —
И забываю важныхъ Музъ:
Мнѣ волны мирныя милѣе.
Когда-же волны побрегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ
И громъ гремитъ по небесамъ
И молніи въ пучинѣ блещутъ
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы
Земля мнѣ кажется вѣрней
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый. . . . .
На утломъ онъ челнѣ живетъ
Его труды среди пучины. . .
Я внемлю шумъ веселыхъ водъ
Ручья текущаго въ долинѣ.

Подлинникъ — въ альбомѣ съ рисунками карандашомъ и акварелью (типы казаковъ, калмыковъ или татаръ, женскія головки, портреты неизвѣстныхъ мужчинъ и женщинъ, каменный домикъ съ тополями (акв.), нѣсколько татарскихъ палатокъ среди горъ (акв.), мущина, спящій въ палаткѣ, мущина въ фуражкѣ, читающій книгу (подписано карандашомъ „Messire Fournier“), фонтанъ, бьющій изъ стѣны (подп. чернилами „Joursouff“) и т. под. Бумага съ водянымъ знакомъ: скачущій единорогъ.

Сравни „Матеріалы для Академическаго изданія сочиненій Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ“, С.-Пб. 1902, стр. 78 — 79.

Шеерь I.

Фаргатъ-Беку.

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой,
Не бросайся въ бой кровавой
[Съ этой ратiю слѣпой]
Съ Карабахскою толпой.
Знаю, смерть тебя невстрѣтитъ;
Азраель среди мечей
Красоту твою замѣтитъ
И [защитой] пощада будетъ ей;
Но боюсь: въ пылу сраженiй
Ты утратишь навсегда
[Скромность] Робость дѣвственныхъ движенiй
Прелесть нѣги и стыда —

А. П.

5 iюля 1829
Лагерь при Эѵфратѣ.

На листкѣ бумаги съ золотымъ обрѣзомъ и водяными знаками: „J. Wh (atman) Turke(y Mill) 18 . .“.

Сравни „Матерiалы“, стр. 269.

Не спится, няня, здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.
— Что, Таня, что съ тобой? — мнѣ скучно;
Поговоримъ о старинѣ. —
— О чемъ-же, Таня? я бывало
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынче все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла; да,

Прошла худая череда;
Зашибло. . . . — Разкажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года;
Была[ль] ты влюблена тогда? —

*

— И полно, Таня; въ эти лѣта
Я не слыхала про любовь;
Не то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. —
— Да какъ-же ты вѣнчалась, няня? —
— Такъ видно Богъ велѣлъ; мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ 13 лѣтъ;
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ — и наконецъ
Меня благословилъ Отецъ;
Я горько плакала со страха
Мнѣ съ пѣньемъ косу разплели
Да съ плачемъ въ церковь повели.

*

И вотъ ведутъ въ семью чужую. . . .
Да ты не слушаешь меня —
Ахъ, няня, няня! я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя,
Я плакать, я рыдать готова. . . . —
— Дитя мое, ты не здорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь? попроси;
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь. — Я не больна;
Я, знаешь, няня. . . . влюблена. —
— Дитя мое, Господь съ тобою! —

И няня съ тихою мольбой
Крестилась дряхлою рукой.

*

Я влюблена, шептала снова
Старушкѣ горестной она. —
Сердечный другъ, ты не здорова —
— Оставь меня, я влюблена. —
И между тѣмъ луна сіяла
И полнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы
И разпущеныя власы
И капли слезъ — и на скамейкѣ
Предъ Героиней молодой
Съ платкомъ на головѣ сѣдой
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ.
. . . .

На листѣ писчей бумаги съ водянымъ знакомъ: овалъ, а въ немъ стоящій на заднихъ лапахъ левъ.

Настоящій отрывокъ — „Ночной разговоръ Татьяны съ ея няней“ — долженъ былъ войти въ альманахъ А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева „Звѣздочка“ 1826 г. (сравни „Русск. Стар.“ 1883, т. XXXIX, стр. 60 — 61), съ прибавкою лишь двухъ стиховъ въ концѣ XX строфы и съ небольшими варіантами противъ этого текста.

Записка Льва Сергѣевича Пушкина къ А. С. Пушкину.

Je ne vous écris que deux mots et encore est-ce pour vous importuner de nouveau par rapport à l'argent. — J'ai emprunté au Général Rayevsky[1]) 300 roubles, que je vous

1) т. е., у Николая Николаевича Раевскаго.

prie de vouloir bien lui payer, à lui ou au porteur de la présente.

Léon Pouchkine.

1831, le 24 Juillet.

На оборотѣ: A Mousieur Monsieur de Pouchkine à Pétersbourg[1]).

Письмо баронессы Юліи Беркгеймъ[2]) къ Н. Н. Раевскому.

[Февраль 1837 г. Одесса].

Il n'est bruit à Odessa que de la mort du Poète *Pouchkin*. L'Empereur a été d'une générosité extraordinaire envers la malheureuse veuve et les orphelins et on dit que le mari en mourant a hautement proclamé l'innocence de sa femme, lui a rendu justice et n'a rien voulu recevoir que de sa main. Voilà un bien triste avenement! On ne nous donne pas de détails sur cet horrible et malheureux duel, mais on nous ecrivoit, il y a quelque tems, de Pétersbourg qu'un officier français au régiment des chevaliers gardes nommé Dantès était amoureux de Madame Pouchkin et qu'il avoit été rendu attentes à cette intrigue (c'est à dire Pouchkin) par une lettre anonyme aussi plate que méchante[3]). Au moment où Pouchkin recevoit ce paquet Dantès étoit chez sa femme; furieux, il l'appelle dans une autre chambre et propose un duel; l'autre lui dit qu'il est amoureux de la soeur de Ma-

---

1) Извѣстно, что Пушкину постоянно приходилось распутывать денежныя дѣла своего брата.

2) Баронесса Юлія Беркгеймъ, дочь извѣстной своимъ крайнимъ мистицизмомъ баронессы Крюденеръ, ревностная послѣдовательница своей матери, вышедшая въ 1815 г. за барона Франца Христіановича Беркгейма, служившаго съ 1816 г. въ Россіи по Министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; она умерла въ 1866 г. О ней см. въ „Остафьевскомъ Архивѣ кн. Вяземскихъ", подъ ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 456—457.

3) Рукою Н. Н. Раевскаго выписка карандашомъ: „du Bancal Dolgorouky" (т. е. кн. Петра Владиміровича Долгорукаго, хромого).

dame Pouchkin. Pouchkin lui demande de laquelle, — Dantès pris au dépourvu dit que c'est l'ainée; aussitôt Pouchkin le mène dans le salon et déclare à sa belle soeur que Dantès se propose, — et les voilà promis au grand étonnement de toute la société.

Il paroit que le duel à été provoqué par d'autres circonstances. Cette nouvelle m'a fait de la peine: c'est un beau talent, victime de petites passions et même moins que cela— de mauvais plaisants. ....Je vous renvois „Valerie". C'èst le 6 Décembre que j'ai eu la pansée de Vous le donner, mais il n'était pas relié. Je tiens à ce que Vous ayez, soit par l'harmonie du style que Vous aimez, soit par la vue du livre, au souvenir de ma mère[1]). Je n'ai donné „Valerie" à personne, mais comme il y a quelquechose de sauvage dans Votre âme, je desire que ces paroles soient pour Vous de la musique jusqu'au tems où Vous gouterez l'Evangile. Il faut regarder comme un saint devoir de perfectionner son âme, de s'elever à ce qu'il y a de beau, être fidèle dans ce qui est à notre portée et Dieu bénira nos efforts. Ce qui est dit dans „Valerie" est vrai: „L'indifférence pour le bien est la plus dangereuse des immoralités".

„Valerie" a été écrit par la femme du monde, mais la prière étoit déjà dans ce couer qui disoit: „Dieu est si grand et rien ne se perd devant lui: chaque mouvement, chaque pensée vertueuse même vient l'eppanouir devant ses regards, il a compté chaque intention, chaque sentiment louable de sa créature, comme chaque battement de son coeur; il dit à la vie de s'arrêter et au bien de croitre et de prosperer dans les siècles".

C'est bien la réponse à ce que vous m'écriviez. „Je voudrais prier": cette intention est déjà une prière. Choisissez une parole de l'Ecriture qui aille à Votre coeur comme ce

1) Баронесса Крюденеръ (ум. въ 1824 г.), авторъ романа „Valerie".

passage de Psaume: „Seigneur, créez en moi un coeur pur et renouvellant le fond de mon âme, mettez y un esprit droit“. Lisez tous les jours quelquechose qui puisse Vous faire du bien. Un psaume, une page, une ligne, mais que chaque jour Vous ayez la pensée de Votre Dieu pour le remercier de ses bienfaits. Ayez surtout une pensée de charité, de bonté envers vos inférieurs, envers ceux qui ont besoin de Vous: ce sera une prière........

Voici encore ce qu'on écrit à Madame Potemkin[1]) sur *Pouchkin* et ce qu'elle vient de nous communiquer. Il a été blessé mortellement dans un duel qu'il a eu avec Dantès. Il a succombé 24 heures après, n'ayant pas perdu connaissance et s'étant reconcilié avec sa femme. Dantès après son mariage avec la belle soeur de Pouchkin continuait toujours à faire la cour à Madame Pouchkin: le mari perdit patience, écrivit une lettre épouvantable à Dantès — et le lendemain il se battirent....

Письмо В. А. Жуковскаго къ Н. Н. Раевскому.

[Конецъ апрѣля 1838 г. С.-Петербургъ] [2]).

Хотя мнѣ и жаль, очень жаль Вельяминова[3]), моего добраго, стараго пріятеля и соученика (здѣсь уже его похоронили — не дай Богъ), но я радъ, что Раевскаго толкнули въ дѣло, ибо онъ мастеръ своего дѣла и съ Кавказомъ сладитъ. Здравствуйте изъ Петербурга, мой милый

---

1) Татьяна Борисовна Потемкина, рожд. кн. Голицына (р. 1801, ум. 1869 г.), статсъ-дама, извѣстная своею филантропическою дѣятельностью и религіозными стремленіями, знакомая баронессы Беркгеймъ.

2) 3-го мая 1838 г. Жуковскій выѣхалъ изъ Петербурга.

3) Алексѣй Алексѣевичъ Вельяминовъ, умершій въ этомъ году, командовалъ Кавказскою линіею и Черноморіею и былъ замѣненъ Н. Н. Раевскимъ; 19-го января 1838 г. онъ еще получилъ орденъ св. Владиміра 1-й степени.

Алупкинскій собесѣдникъ: сколько могу судить *по себѣ*, то кажется мнѣ, что Алупкинская встрѣча[1]) насъ сблизила. Жаль только, что наши дороги врозь бѣгутъ: Вы на Кавказъ, а я въ Швецію и Англію. Авось еще встрѣтимся — и не разъ — въ жизни; когда же встрѣтимся, то ужъ вѣрно другъ другу кислаго лица не здѣлаемъ, а радушно, дружески протянемъ руку.

Вотъ просьба Генералу Раевскому. Прошу принять ее къ сердцу. Въ Вашемъ корпусѣ находится Дороховъ[2]), разжалованный въ солдаты съ выслугою. Дайте ему способъ выслужиться. Онъ раненъ въ ногу, ходить не можетъ, слѣдственно будетъ плохой солдатъ въ пѣхотѣ; посадите его на коня: увидите, что онъ драться будетъ исправно. Однимъ словомъ, нарядите его казакомъ. Объ этомъ нарядѣ я просилъ еще въ Москвѣ Клейнмихеля; онъ отвѣчалъ мнѣ, что официальнаго приказа дать нельзя; но что корпусный командиръ это можетъ сдѣлать своею волею, по моей просьбѣ, совѣтовалъ мнѣ написать къ Вельяминову и взялся переслать письмо мое. Это письмо теперь осталось безполезнымъ. Передаю просьбу мою Вамъ. Не откажите. Я Дорохова лично мало знаю; но знаю коротко милую, добрую жену его; примите къ сердцу ея несчастія. Надѣюсь на Васъ, какъ на себя. Обнимаю отъ всего сердца. Жуковскій.

Хоть убей, не знаю, который изъ васъ двухъ братьевъ

---

1) Встрѣчи съ Раевскимъ отмѣчены въ дневникахъ Жуковскаго въ 1837 году: подъ 31-мъ августа, въ Одессѣ, гдѣ Раевскій, обѣдая у Жуковскаго, „много говорилъ о Пушкинѣ“, и подъ 17-мъ, 18-мъ и 19-мъ сентября, *въ Алупкѣ* (см. Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова, С.-Пб. 1903, стр. 354 и 361).

2) Вѣроятно, Василій Павловичъ Дороховъ, коммиссіонеръ 10-го класса, состоявшій въ вѣдомствѣ Кіевской Коммиссаріатской Коммиссіи; 26-го мая 1830 г. онъ „за дерзкія слова противъ Государя Императора“ былъ лишенъ чиновъ, дворянства и знака отличія военнаго ордена и отданъ рядовымъ въ Финляндскій корпусъ („Московскія Вѣдомости“ 1830 г., № 62, стр. 2775). Отсюда могъ быть переведенъ на Кавказъ.

Александръ и который Николай. Прошу не сердиться, если не такъ написалъ адресъ. Я съ именами въ вѣчной ссорѣ.

Это письмо вручено вамъ будетъ самимъ Дороховымъ.

Подлинникъ на листѣ голубоватой почтовой бумаги большого формата; находится между письмами къ Раевскому конца мая 1838 г.

Замѣтка къ Пушкину.

Происхожденіе пѣсенки Гринева: «Мысль любовну истребляя».

Сантиментальная любовная пѣсенка Гринева, послужившая причиной раздора между имъ и Швабринымъ, оказывается заимствованной, съ небольшими измѣненіями, изъ пѣсенника Новикова. Представимъ соотвѣтствующія мѣста изъ „Капитанской дочки“ и этого пѣсенника:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю *вольность получить!*
Но глаза, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной;
Они *духъ* во мнѣ *смутили,*
Сокрушили мой *покой.*
Ты, узнавъ мои напасти,
Сжалься, Маша, *надо мной,*
Зря меня въ сей лютой *части*
И *что я плѣненъ тобой.*

(„Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, т. IV, С.-Пб. 1887, стр. 202 — 203).

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И отъ взоровъ убѣгая,
Тщуся *вольность получить.*
Но глаза́, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной,
Тѣ глаза́, что *духъ смутили,*
И разрушили *покой.*
Ты жъ узнавъ, что я плѣненъ тобой,
Зря меня въ жестокой *части,*
Сжалься, сжалься *надо мной.*

(„Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ“... Ч. I, М. 1780, стр. 41, № 34).

Тожественные стихи и части стиховъ напечатаны у насъ курсивомъ.

Въ послѣднихъ трехъ строчкахъ оригинала пѣсни Гринева очевидно скрывается какая-то ошибка письма или печати: пѣсенка написана и напечатана въ видѣ риемованныхъ четырехстишій (довольно плохіе хореи: - ᴗ), а здѣсь не достаетъ одного стиха. Замѣчательно, что и въ этомъ мѣстѣ Пушкинъ, избѣгая сочинительства, болѣе передѣлывалъ и исправлялъ какого-то чувствительнаго, но неискуснаго стихотворца. При нѣкоторыхъ дополненіяхъ и перестановкахъ, онъ изъ трехъ стиховъ сдѣлалъ четыре, подходящіе къ предыдущимъ по размѣру и риемѣ.

Конечно, Пушкинъ могъ узнать данную пѣсню и не по сборнику Новикова, но познакомиться съ ней въ живомъ употребленіи: напр., въ пѣніи дворовыхъ или мѣщанъ.

В. Чернышевъ.

С. С. Есаковъ.

Около 1817 г.

Около 1831 г.

Семенъ Семеновичъ Есаковъ.

Біографическая замѣтка.

Товарищъ Пушкина по Лицею, выпущенный оттуда въ 1817 году, С. С. Есаковъ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ I-го курса. Свѣдѣній о немъ въ печати почти не сохранилось. Благодаря любезному посредничеству Константина Николаевича Ходнева, находящагося въ родственныхъ связяхъ съ семьею Есаковыхъ, я получилъ отъ дочери Семена Семеновича, баронессы Софіи Семеновны Корфъ, нѣкоторыя данныя для біографіи ея отца, а также два его портрета: одинъ—рисованный свинцовымъ карандашомъ (по сообщенію дочери—работы какого-то барона Корфа), чуть-ли не въ лицейской формѣ, а другой — сепіей, изображающій Есакова въ полковничьихъ эполетахъ, въ послѣдніе годы его жизни.

С. С. Есаковъ происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи и родился въ 1799 году; отцомъ его былъ надворный совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Есаковъ, служившій директоромъ Временного Одѣленія Ассигнаціоннаго Банка (съ 1814 по 1816 г.) и умершій во второй половинѣ 1820-хъ г., 88 лѣтъ отъ роду [1]), а матерью — Елизавета Филипповна, рожд. Ярцева. Опредѣленный въ Лицей въ 1811 году, одновременно съ Пушкинымъ, Еса-

---

1) Погребенъ онъ въ Варшавѣ, на упраздненномъ нынѣ кладбищѣ на Млынарской улицѣ (сообщ. Анатолія Евгеньевича Егорова).

ковъ вскорѣ-же сталъ въ ряды лучшихъ по успѣхамъ воспитанниковъ, а въ 1813 году аттестованъ былъ первымъ по „благонравію“ [1]).

Въ 1817 году окончивъ курсъ Лицея и награжденный при выпускѣ второю серебряною медалью, Есаковъ 29-го октября 1817 г. поступилъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, И. И. Пущинымъ, въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію прапорщикомъ, а по сформированіи изъ нея лейбъ-гвардіи конно-артиллерійской легкой № 3 батареи, переведенъ былъ въ ея составъ (въ декабрѣ того-же года), 19-го апрѣля 1820 г. произведенъ былъ въ подпоручики, черезъ два съ половиной года — въ поручики (16-го декабря 1822 г.), затѣмъ — въ штабсъ-капитаны (8-го ноября 1824 г.). Батарея № 3 стояла въ Варшавѣ, гдѣ въ январѣ 1826 г. розыскивалъ Есакова Кюхельбекеръ, бѣжавшій изъ Петербурга послѣ 14-го декабря и надѣявшійся, при помощи своего лицейскаго товарища, отыскать въ Варшавѣ нѣкоторыхъ лицъ, у коихъ онъ разсчитывалъ найти себѣ заступничество; какъ извѣстно, разспросы его объ Есаковѣ, братъ котораго былъ въ это время командиромъ стоявшаго также въ Варшавѣ л.-гв. Волынскаго полка, навели на Кюхельбекера подозрѣніе, — и онъ былъ схваченъ [2]).

Получивъ нѣсколько разъ Высочайшее благоволеніе за маневры подъ Варшавой (1819, 1820 [3]) и 1822 г.) и подъ Брестъ-Литовскомъ (1823 г.), С. С. Есаковъ 11-го августа 1829 г. былъ произведенъ въ полковники, а затѣмъ, съ началомъ Польской кампаніи 1830 года, принялъ въ ней участіе. Но дни его въ это время были уже сочте-

---

1) См. И. А. Шляпкинъ. Къ біографіи Пушкина, С.-Пб. 1899, стр. 22.

2) „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 404, 407, 408; „Русская Старина“ 1873 г., т. VII, стр. 463, 469, 470 и 1875 г., т. XIII, стр. 348, 349; Н. А. Гастфрейндъ. Побѣгъ и поимка Вильг. Кюхельбекера. С.-Пб. 1904, стр. 21 и 30.

3) См. „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“ 1899 г., № 1, стр. 99 (въ статьѣ Д. Ѳ. Кобеко).

ны: весною 1831 года онъ застрѣлился[1]). Обстоятельства его смерти въ точности пока еще не выяснены; Е. А. Энгельгардтъ, въ письмѣ къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину отъ 4-го декабря 1831 г., сообщалъ кратко: „Есаковъ застрѣлился. Жаль, что его не убило ядромъ непріятельскимъ“[2]), а въ другомъ письмѣ, отъ 28-го мая 1832 г., говорилъ: „Я писалъ тебѣ объ ужасной кончинѣ Есакова, который застрѣлилъ себя по какимъ-то непріятностямъ по службѣ. Жаль и глупо“[3]). Я. К. Гротъ, называя Есакова „благороднѣйшимъ человѣкомъ“, сообщаетъ, что во время Польской кампаніи (1831 г.) онъ „имѣлъ несчастіе потерять двѣ пушки подъ какимъ-то мостомъ и съ отчаянія застрѣлился“[4]). Товарищъ Есакова по выпуску, баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ, оставилъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія строки объ немъ: „Съ свѣтскимъ умомъ, съ большою ловкостью, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ прекрасною наружностью и со многими любезными качествами, Есаковъ еще въ Лицеѣ подавалъ надежду на блистательную карьеру, но, по неразгаданнымъ донынѣ вполнѣ причинамъ, самъ добровольно разстался съ жизнью, которая, повидимому, столь многое ему сулила. Служивъ съ самаго начала въ конной артиллеріи, бывъ уже гвардіи полковникомъ, увѣшанный орденами, командиръ артиллерійской роты, онъ въ польскую кам-

---

1) Исключенъ изъ списковъ умершимъ въ приказѣ отъ 5-го мая 1831 г. („Русс. Инвал.“ 1831 г., № 111, стр. 442). Свѣдѣнія о службѣ Есакова я заимствую изъ послужного его списка, полученнаго изъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба (книга формулярныхъ списковъ л-гв. конно-артиллерійской легкой батареи № 3 за 1828 г., по архиву № 1076).

2) Д. Ѳ. Кобеко, „Директоръ Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы“, статья въ „Вѣстникѣ Всемірной Исторіи“ 1899 г., № 1, стр. 96.

3) тамъ-же.

4) Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, С.-Пб. 1899, стр. 71.

панію (1831 г.), послѣ дѣла, въ которомъ имѣлъ несчастье потерять нѣсколько пушекъ — застрѣлился, не оставивъ даже никакой записки въ поясненіе своего поступка" [1]). Похороненъ онъ въ Варшавѣ.

О взаимныхъ отношеніяхъ Есакова и Пушкина, къ сожалѣнію, ничего доселѣ неизвѣстно, и по краткимъ упоминаніямъ о немъ въ письмахъ Илличевскаго къ Фуссу, въ запискахъ И. И. Пущина и въ письмахъ Е. А. Энгельгардта нельзя составить объ этихъ отношеніяхъ никакого представленія; впрочемъ, изъ того, что Пушкинъ ни разу не обмолвился объ Есаковѣ въ своихъ письмахъ, даже по поводу его трагической кончины, о которой не могъ не знать своевременно, можно, кажется, предположить, что оба товарища никогда не были особенно близки между собою — ни во время Лицейской жизни, ни впослѣдствіи [2]).

Есаковъ былъ женатъ на Маріи Ивановнѣ Германъ [3]), дочери генералъ-аншефа [4]), и оставилъ послѣ себя троихъ дѣтей: 1) Евгенія Семеновича (род. 27-го сентября 1825 г.), окончившаго курсъ въ Лицеѣ съ малою золотою медалью въ 1844 году; онъ служилъ затѣмъ въ IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, былъ замѣшанъ въ дѣло Петрашевскаго, сидѣлъ въ

---

1) „Русская Старина" 1904 г., іюнь, стр. 552.

2) Съ именемъ Есакова связывается стихотвореніе „Къ N." („Страдалецъ произвольной муки"), въ 1859 г. напечатанное Г. Н. Геннади, какъ неизданное стихотвореніе Пушкина, въ „Русской Бесѣдѣ" (т. III, стр. 1). На самомъ-же дѣлѣ это стихотвореніе, относящееся дѣйствительно къ какому-то Есакову, только не къ Семену Семеновичу, принадлежитъ перу Дмитрія Петровича Ознобишина (оно имѣется въ находящихся у меня рукописяхъ его) и было напечатано имъ еще въ 1827 г. въ „Сынѣ Отечества" (ч. 113, стр. 93 — 94) съ подписью *Оз.* (Срав. статью П. А. Ефремова въ „Нов. Вр." 1903 г., № 9845).

3) Род. 4-го февраля 1800, ум. 16-го апрѣля 1868 г., погребена въ Петербургѣ, на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ. Ея сестра — Елизавета Ивановна — была замужемъ за генералъ-адъютантомъ Борисомъ Сергѣевичемъ Рихтеромъ.

4) Формулярный списокъ С. С. Есакова.

крѣпости, послѣ чего былъ снова принятъ А. Л. Гофманомъ на службу въ IV Отдѣленіе, состоялъ секретаремъ при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и умеръ отъ чахотки 17-го марта 1872 г. [2]); 2) Александра Семеновича (род. въ Скерневицахъ 22-го апрѣля 1830 г.); по выпускѣ въ 1849 г. изъ 2-й С.-Петербургской гимназіи, онъ окончилъ курсъ Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института и состоялъ затѣмъ личнымъ секретаремъ при графѣ П. Д. Киселевѣ, который, по семейному преданію, и умеръ на его рукахъ за-границей; скончался онъ въ С.-Петербургѣ, душевнобольнымъ; 3) Софью Семеновну, родившуюся съ братомъ Александромъ 22-го апрѣля 1830 г., нынѣ вдову барона Николая Николаевича Корфа (ум. 22-го ноября 1884 г.).

Братья Семена Семеновича: Дмитрій Семеновичъ былъ генералъ-лейтенантомъ и комендантомъ въ Вильнѣ [3]), а Петръ Семеновичъ, полковникъ Шлюссельбургскаго егерьскаго полка (род. въ 1806 г.), умеръ въ 1842 г. въ Варшавѣ, гдѣ и погребенъ вмѣстѣ съ отцомъ; оба они оставили потомство.

Б. Модзалевскій.

---

2) погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

3) род. 12-го іюля 1789, ум. 8-го мая 1859 г; погребенъ въ Кременчугѣ.

Пушкинъ, Н. Полевой и Булгаринъ.

[Изъ журнальной полемики конца 20-хъ гг. XIX в.].

Въ нашихъ журнальныхъ нравахъ 1820—30-хъ годовъ было очень много своеобразнаго.

Подписчикъ былъ тогда довольно рѣдкимъ звѣремъ, и на него шла правильная охота. Его приманивали музыкальными и модными приложеніями, необыкновенною энциклопедичностью содержанія номеровъ, именами видныхъ литераторовъ и даже самовольнымъ печатаніемъ и перепечатаніемъ ихъ произведеній; другъ противъ друга журналисты вели непрестанную партизанскую войну, старательно вылавливая опечатки и описки, уличая въ невѣжествѣ и безграмотности, затрогивая даже частную жизнь — вообще угождая грубымъ вкусамъ публики литературными кулачными боями и потасовками.

Особенно на этомъ поприщѣ отличался Воейковъ. Его главными противниками были—Булгаринъ, Гречъ и Полевой[1]). По отношенію къ нимъ онъ былъ готовъ на все и буквально въ каждомъ номерѣ своего „Славянина"

---

1) См., напр., въ „Славянинѣ" 1829 г. „Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею изъ журнальныхъ листовъ, для издателя „Московскаго Телеграфа" и „Піонъ" въ вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею для издателя „Московскаго Телеграфа", сплетенный рукою прелестной „Галатеи".

отводилъ для полемики съ ними чуть не пятую часть всѣхъ страницъ. Онъ даже завелъ особый отдѣлъ — „Хамелеонистика", въ которомъ старательно отмѣчалъ всѣ противорѣчія и недоразумѣнія у своихъ враговъ. Онъ церемонился только съ „Московскимъ Вѣстникомъ" и его редакторомъ Погодинымъ, потому что за ними стоялъ Пушкинъ, а имъ и его литературными связями столь же практичный, сколь и циничный авторъ „Дома сумасшедшихъ" не могъ не дорожить. Пушкина, напр., онъ льстиво называлъ („Славянинъ" 1828, № 20, стр. 275) „однимъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ", „соединяющимъ въ себѣ качество просвѣщеннаго цѣнителя и превосходнаго прозаика".

Обычный для него желчный, бранчивый и язвительный тонъ при отзывѣ о другихъ журналахъ смѣняется по отношенію къ „Московскому Вѣстнику" и Погодину изысканной, даже льстивой любезностью.

Въ „Славянинѣ" 1828 г. (№ 52, стр. 496—7) онъ, напр., писалъ: „Впродолженіе двухъ лѣтъ мы съ удовольствіемъ читали *Московскій Вѣстникъ*, находя въ немъ и стихотворенія Пушкина, и хорошій выборъ статей, и слогъ чистый, и оцѣнку книгъ неподкупную, основательную, показывающую въ издателѣ знаніе русскаго языка, ученость, вкусъ и, что всего дороже, а потому и всего рѣже, благородный характеръ, чуждый духа партій, нахальства, самохвальства, самонадѣянности. Мы съ уваженіемъ видѣли въ г. Погодинѣ человѣка прямого, который въ своихъ критикахъ[1]) не искалъ блистать остроуміемъ *Крылова*, не приводилъ кстати и некстати колкіе стихи сего баснописца-сатирика и не посыпалъ чужою солью приторныхъ статеекъ своего стряпанья; человѣка, который съ негодованіемъ отвергалъ два низкія правила

1) Дальше намеки на Булгарина.

Жофруа и Лабомеля: 1) Personne n'a de l'esprit hors nous et nos amis, 2) Apportez-moi deux lignes du plus honnête homme et j'y découvrirai de quoi le faire pendre— и высказалъ смѣло горькія истины гг. издателямъ *Сѣверной Пчелы* и *Московскаго Телеграфа*. Но, чтобы отдать полную справедливость г. *Погодину*, надобно прибавить, что онъ, поясняя недостатки другихъ періодическихъ изданій, указывалъ своимъ читателямъ не одну изнанку, но и лицевую ихъ сторону".

Сравните съ этимъ „объявленіе о новомъ журналѣ, подъ заглавіемъ: *Шарлатанъ, или одинъ за двадцатерыхъ*" (ib., 491—494), несомнѣнно направленное противъ Н. Полевого: „Я, нижеподписавшійся, предпринимаю съ 1-го января наступающаго 1829 г. издавать энциклопедическій, всеобъемлющій журналъ, подъ заглавіемъ: *Шарлатанъ, или одинъ за двадцатерыхъ.*

I. Въ составъ моего журнала войдутъ только тѣ науки, которымъ я не учился, и тѣ знанія, которыхъ не имѣю — а именно: 1) догматическое, нравственное, обличительное, проповѣдное, историческое и созерцательное Богословіе; 2) россійскіе законы и исторія оныхъ; 3) право естественное, политическое, гражданское и уголовное; 4) политическая экономія; 5) зоогнозія; 6) зоологія; 7) ботаника; 8) минералогія; 9) всеобщая, опытная и аналитическая химія; 10) физика; 11) технологія; 12) механика; 13) сельское хозяйство; 14) аналитическая геометрія; 15) сферическая тригонометрія; 16) астрономія; 17) теорія военнаго искусства; 18) теорія военнаго искусства 19) фортификація; 20) инженерство; 21) мореходство; 22) архитектура; 23) искусство ваянія; 24)искусство живописи; 25) теорія музыки и генералъ-басъ; 26) риторика; 27) піитика; 28) философія; 29) хирургія; 30) физіологія; 31) судебная медицина; 32) фармакологія; 33) ветеринарія; 34) патологія; 35) терапія и безчисленныя другія.

II. Разборы книгъ на всѣмъ отраслямъ науки, искусства и ремеслъ на всѣхъ языкахъ, начиная отъ того, которымъ разговаривалъ нашъ прадѣдушка *Адамъ* съ нашею прабабкою *Еввою*, до санскритскаго, который есть не что иное, какъ первобытный славянскій, или нынѣшній россійскій языкъ[1]).

III. Новая статья, которую назову: *пестрота*[2]). Это не разнообразіе, не смѣсь, не занимательность. Въ ней будутъ помѣщаться *намеки*, *краткія выписки*, *додатки*, о кустарныхъ и москательныхъ товарахъ, о гуляньяхъ подъ Новинскимъ и о засѣданіяхъ англійскаго парламента; о сказкѣ „Бова Королевичъ" и объ археологіи, о лубочныхъ театрахъ и о трагедіяхъ *Озерова*, о женскихъ черевичкахъ и о дифференціальныхъ исчисленіяхъ, о страсбургскихъ пирогахъ и о подводныхъ корабляхъ, объ обезьянахъ и о Невтонѣ, о *пейзанскихъ* шляпкахъ и о путешествіяхъ къ сѣверному полюсу, о столярныхъ издѣліяхъ и о строеніи міровъ.

IV. Издатель *Шарлатана*, рѣшась издавать журналъ въ родѣ французскаго „Bulletin Universel des Sciences et de l'Industrie", обязывается совмѣстить въ себѣ одномъ познанія какъ главнаго издателя *Бюллетеня г. барона Ферюсака*, такъ и всѣхъ вмѣстѣ писателей, участвующихъ въ ономъ по разнымъ отдѣленіямъ, т. е. господъ: Дюро де ла-Маль, Клапрота, Жомара, Шамполіона старшаго и младшаго, Ейріеса, Абеля-Ремюза, Валкенайера, Лапи, Штурцгейма, Дюпьи, Бори де Сенъ-Венсана, Ампера, Дюпеня, Франкера, Матьо, Барбье-де-Бокажа, Паризо, Лакруа, Жофруа-Сентъ-Илера, Кювье, Дарсе, Тенара,

---

1) Полевой дѣйствительно имѣлъ неосторожность довольно докторально толковать о мало знакомомъ ему санскритскомъ языкѣ. См., напр., „Славянинъ" 1828, XXX, стр. 147 — 148.

2) Намекъ на очень пестрыя приложенія къ „Московскому Телеграфу".

Френеля, Кокебера-де-Монбре, Пуансо, Дюмерсиля, Маженди, Флурана, Шанталя, Ласепеда, Вилльморена и всѣхъ будущихъ и могущихъ быть.

Онъ берется сочинять историческіе отрывки не хуже *Карамзина* „Воспоминаній на пути въ Троицкій монастырь“ или „О мятежахъ въ царствованіе *Царя Алексѣя Михайловича*“ повѣсти не хуже *Жуковскаго* „Марьиной рощи“, *Бестужева* „Гуго фонъ Брахтъ“, *Булгарина* „Эстераки“ и „Паденія Вендена“, и, сверхъ того, обѣщаетъ угождать своихъ читателей подогрѣтыми статьями изъ *Шлецера* и *Строева*, выдавая ихъ за собственныя свои произведенія. Слогъ его, въ чемъ онъ увѣренъ, какъ въ томъ, что $2 \times 2 = 4$, сладокъ и легокъ, какъ слогъ *Батюшкова*, благороденъ и правиленъ, какъ слогъ *М. Н. Муравьева*, силенъ и пылокъ, какъ слогъ *Жуковскаго*; самъ онъ богатъ мыслями, острыми шутками, игривыми и замысловатыми выраженіями, какъ *князь Вяземскій*.

Каждую недѣлю будетъ выходить по двѣ книжки, а всего 104 №№ въ годъ, съ планами, чертежами, почерками великихъ мужей, женъ, дѣвицъ и отроковъ, съ картинками новѣйшихъ парижскихъ и лондонскихъ модъ, съ изображеніями стульевъ, креселъ, дивановъ, скамеекъ, скамеечекъ [1]). Издатель обѣщаетъ опаздывать выдачею книжекъ своего изданія такъ, чтобы къ концу года осталось за нимъ въ недоимкѣ по крайней мѣрѣ книжекъ десять [2]), а если увидитъ, что подписчики не строго съ него взыскиваютъ, то и больше. Онъ имѣетъ къ этому и склонность, и природное дарованіе.

Цѣна самая умѣренная: здѣсь въ С.-Петербургѣ 120 рублей, съ доставленіемъ на домъ съ пересылкою

---

1) Имѣются въ виду, конечно, „Прибавленія къ *Московскому Телеграфу*, содержащія въ себѣ изображенія новѣйшихъ мебелей, уборки комнатъ, образцы модныхъ матерій, узоры для шитья“ и пр.

2) Такой грѣхъ вообще водился за Полевымъ.

въ другіе города 130 рублей государственными ассигнаціями. За полгода 75 рублей, съ пересылкою 80 рублей.

Издатель *Пройдоха Выручкинъ*,

Неслужащій дворянинъ, homme de Lettres.

Жительство имѣю въ Лоскутномъ ряду у торговки Лохмотьевой, подъ № 279-мъ".

Пріуроченіе къ Петербургу и „неслужащій дворянинъ" заставили было насъ отнести все это первоначально къ Булгарину, но Воейковъ повторяетъ въ этомъ случаѣ обычныя (свои и чужія) нападенія противъ Полевого[1]), прозрачно называетъ его *Выручкинымъ* и пр. Невѣрныя пріуроченія сдѣланы, по всей вѣроятности, не безъ задней мысли — чтобы при нуждѣ отпереться отъ

1) Срав., напр., „Дамскій журналъ" 1825 г., № 13, стр. 19: „O tempora O mores!"

Обмѣривъ и обвѣсивъ васъ,
Купцы засѣли на Парнасъ;
Купцы бренчатъ, трещатъ на лирахъ;
Купцы острятъ умы въ сатирахъ;
Купцы журналы издаютъ,
И намъ галиматью за бисеръ продаютъ.
Любезные! берите втрое,
Оставьте только вкусъ и уши намъ въ покоѣ!

Ib. 1826 г., III, стр. 117: Н. Грековъ, *Журнальный феноменъ.*

Съ эпиграфомъ: ни то, ни се
(Загадки всѣмъ), не зная по-французски,
Гильдейкинъ переводитъ все,
А пишетъ не по-русски.

Любопытно, что кн. Шаликовъ особенно возненавидѣлъ Полевого и Булгарина (съ ихъ журналами *Каланча* = *Московскій Телеграфъ*, *Червякъ* = *Сѣверная Пчела) за присвоеніе картинокъ дамскихъ модъ*:

Картинки дамскихъ модъ
Журналу Дамскому всегда принадлежали;
Но въ журналистахъ есть безсовѣстный народъ:
Червякъ и *Каланча* васъ нагло притязали,
Картинки дамскихъ модъ!

„Дамскій Журналъ" 1829 г., XII, стр. 186 (Рондо N.).

того, что онъ мѣтилъ на Полевого. Это вообще въ характерѣ Воейкова...

Насколько развязенъ могъ иногда онъ быть, видно, напр., изъ его отзыва о Сомовѣ („Славянинъ“ 1829 г., VI—VII, стр. 213): „*Яша дурачекъ*, подражаніе О. М. Сомова французскому Jacques l'Idiot, весьма естественно. Г. Сомовъ совершенно вошелъ въ характеръ французскаго дурачка. Глупое чванство, высокое мнѣніе о своемъ умѣ, болтовство, которое этотъ сумасбродъ почиталъ за краснорѣчіе—точь въ точь переданы г. Сомовымъ русскимъ его читателямъ. Хвала и честь подражателю!“

Не меньшею развязностью и пошлостью отличался и его постоянный литературный противникъ, Булгаринъ. Ревниво слѣдя за успѣхами другихъ журналистовъ, видя въ каждомъ новомъ изданіи прежде всего конкурента, онъ не останавливался въ своей полемикѣ на передъ чѣмъ — клеветалъ, инсинуировалъ, доносилъ, прикрывая особенно гнусныя выходки аллегорическою (вполнѣ понятною, однако, всѣмъ освѣдомленнымъ людямъ) формою, ссылками на мнимые переводы съ иностранныхъ языковъ и пр.

Въ 1828 г. въ „Сѣверной Пчелѣ“ онъ выступилъ (№ 38) съ клеветническою статьею противъ „Московскаго Вѣстника“, который, благодаря постоянному сотрудничеству Пушкина, казался ему слишкомъ опаснымъ соперникомъ. По усвоенной привычкѣ онъ ссылается на мнимый французскій источникъ своей статьи.

„Въ одномъ французскомъ журналѣ напечатанъ слѣдующій анекдотъ. Нѣсколько молодыхъ людей въ Эдинбургѣ[1]), досадуя, что никто не хочетъ печатать ихъ стиховъ и критикъ, рѣшились издавать соединенными силами журналъ и назвали его „Эдинбургскимъ Вѣстникомъ“ (Edinb. Messenger)[2]). Просьбами и лестными обѣща-

1) Москвѣ.
2) „Московскій Вѣстникъ“.

ніями молодые люди склонили Лорда Байрона[1]) нигдѣ не помѣщать своихъ стиховъ, кромѣ „Эдинбургскаго Вѣстника", думая, что симъ переманятъ къ себѣ всѣхъ читателей. Но у семи нянекъ дитя всегда безъ глаза. Главный редакторъ[2]) не имѣлъ никакой власти, а мальчики[3]), усиливаясь преобразовать міръ теоріями[4]), усыпляли читателей. Для нѣсколькихъ стишковъ Байрона[5]), которые и безъ того скоро расходились по рукамъ[6]) и перепечатывались, никто не хотѣлъ подписываться на пустой и дѣтскій журналъ, и онъ сталъ гаснуть и упадать. Тогда одинъ изъ сотрудниковъ, несчастный поэтъ[7]), собираетъ своихъ товарищей и произноситъ рѣчь слѣдующаго содержанія: „Господа! Журналъ нашъ упадаетъ, тогда какъ „Эдинбургскій Маякъ" (Edinb. Watchlight)[8]), издаваемый однимъ только литераторомъ, имѣетъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Я открылъ тайну его извѣстности. При мнѣ пришелъ въ книжную лавку одинъ помѣщикъ подписаться на нѣсколько журналовъ и, не зная всѣхъ заглавій, сказалъ книгопродавцу: „дайте мнѣ тѣ журналы, которые жестоко бранятся". Вообще люди любятъ, когда другіе смѣло нападаютъ на огромныя репутаціи: это облегчаетъ ихъ ничтожность, а публика требуетъ сильныхъ впечатлѣній (des sensations fortes). Начнемъ браниться со всѣми журналами, разругаемъ въ нихъ всѣхъ лучшихъ писателей, поэтовъ и прозаиковъ, исключая Лорда Байрона и самихъ себя. Сдѣлаемъ

---

1) Пушкина.

2) Погодинъ.

3) Рожалинъ, Веневитиновы, Кирѣевскій и т. д.

4) Увлеченіе нѣмецкой идеалистической философіей.

5) Пушкинъ, дѣйствительно, мало печаталъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ".

6) Благодаря нескромности пріятелей.

7) Шевыревъ.

8) „Московскій Телеграфъ".

обозрѣніе всѣхъ журналовъ[1]) и скажемъ, что всѣ они никуда не годятся. Это возбудитъ любопытство публики и дастъ почувствовать, что нашъ журналъ лучше всѣхъ. Другіе журналы станутъ отвѣчать намъ, и читатели поневолѣ должны будутъ подписываться на нашъ „Вѣстникъ“, чтобы знать, о чемъ идетъ дѣло. Всѣ писатели, раскритикованные въ другихъ журналахъ, пристанутъ къ намъ, и мы составимъ партію, и въ книжныхъ лавкахъ станутъ спрашивать: „гдѣ тотъ „Вѣстникъ“, который всѣхъ ругаетъ?“ —Предложеніе принято, и тихій „Эдинбургскій Вѣстникъ“ завелъ жестокую брань съ журналами и писателями цѣлой Англіи. Но какъ, по несчастію, между издателями не было ни одного человѣка съ талантомъ, то ни одинъ журналъ, ни одинъ писатель не отвѣчалъ на глупыя критики; стихи Байрона также не спасли журнала: онъ, надѣлавъ много шуму въ своемъ кругу, упалъ, и одинъ изъ бывшихъ его сотрудниковъ, въ предосторожность публикѣ, напечаталъ этотъ анекдотъ въ „Эдинбургскомъ Маякѣ“, съ эпиграфомъ: avis au lecteur“[2]).

Эта статья и была какъ разъ гнуснымъ отвѣтомъ „на глупыя критики“.

Ненависть къ Булгарину и желаніе поддѣлаться къ Пушкинскому кружку заставили Воейкова сейчасъ же подхватить брошенную „Сѣверной Пчелой“ перчатку. Въ XXI № „Славянина“ за 1828 г. (стр. 323—325) была напечатана замѣтка: „Нѣчто объ англійскомъ журналѣ *Лондонскій Трутень*“.

„Въ 38 № *Сѣверной Пчелы* напечатана весьма любо-

1) Такое обозрѣніе, дѣйствительно, было въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г., и больше всего досталось „Московскому Телеграфу“ и „Сѣверной Пчелѣ“. Судя по намекамъ послѣдней, оно принадлежитъ Шевыреву.

2) Повидимому, въ этомъ случаѣ Булгаринъ имѣетъ въ виду себя и „Сѣверную Пчелу“. Онъ раньше участвовалъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“.

пытная благонамѣренная статья, взятая изъ одного французскаго журнала, въ которой разсказывается, будто нѣсколько молодыхъ людей, досадуя, что никто не хочетъ печатать ихъ стиховъ и критикъ, рѣшились сами издавать журналъ и назвали его „Эдинбургскимъ Вѣстникомъ“; что они просьбами и лестными обѣщаніями склонили *Лорда Байрона* участвовать въ ихъ журналѣ, что, несмотря на то, журналъ началъ упадать, что главный редакторъ сего журнала не имѣлъ никакой власти, а что всѣмъ завѣдывали *мальчики*, что молодые люди, для поддержки падающаго (будто) журнала, принялись со всѣми браниться и нападать на *огромныя репутаціи* и пр.

Для удовольствія публики, мы помѣщаемъ продолженіе этого анекдота, заимствованное изъ слѣдующей книжки того же самаго французскаго журнала.

Въ этой книжкѣ иностранный журналистъ объявляетъ, что помѣщенная имъ въ предыдущемъ № статья есть не иное что, какъ низкая выдумка ловкаго и опытнаго издателя *Лондонскаго Трутня* (The London Drone). Сей журналистъ, бывшій прежде искателемъ приключеній[1]) и никогда ничему не учившійся, но одаренный отъ природы рѣдкою увертливостью, почиталъ литературу единственно средствомъ для пріобрѣтенія денегъ, а потому видѣлъ въ каждомъ новомъ журналѣ новаго врага и находилъ всѣ способы позволенными для пораженія своего противника. Нѣсколько времени забавникъ этотъ морочилъ публику увѣреніями о своихъ познаніяхъ, та-

---

1) Срав. Вл. Ел(агина): „На нѣкоторое паденіе съ лошади и въ общемъ мнѣніи“ — „Дамскій Журналъ“ 1825 г. № XVI, стр. 138:

Фиглярин разъ сказалъ, что былъ кавалеристомъ;
Фиглярин радъ прослыть хорошимъ журналистомъ:
Не обличу его въ лганьѣ!
Быть такъ! Но на конѣ онъ смотритъ журналистомъ,
Въ журналѣ жъ рубитъ смыслъ лихимъ кавалеристомъ —
И выѣзжаетъ на враньѣ.

лантахъ, дешевизнѣ и достоинствахъ своего журнала; самъ изволилъ писать похвалы своимъ сочиненіямъ и втирался въ дружбу къ извѣстнымъ литераторамъ. Возгордившись неожиданнымъ успѣхомъ, онъ принялъ уже на себя тонъ покровительства и хотѣвшихъ издавать журналъ увѣщевалъ оставить это предпріятіе и сдѣлаться его сотрудниками; кто же не соглашался или не вѣрилъ его личинѣ, тому онъ мстилъ особеннымъ образомъ: провѣдывалъ про его домашнія обстоятельства и описывалъ ихъ въ своемъ журналѣ. Но не долго продолжалось мишурное торжество издателя *Лондонскаго Трутня:* множество грубыхъ ошибокъ всякаго рода явно показали его невѣжество, а замашки площаднаго витязя возбудили всеобщее къ нему презрѣніе; узнали, что все его маранье поправлялось (какъ онъ и самъ однажды проболтался) или, лучше, вновь передѣлывалось другимъ его товарищемъ [1]), который, впрочемъ, ради денежныхъ оборотовъ и своей меркантильной операціи, придерживался этого литературнаго сплетника; всѣ литераторы почувствовали къ нему отвращеніе и отзывались о немъ такъ, какъ онъ дѣйствительно заслуживалъ. Въ числѣ журналовъ, которые вывели *Лондонскій Трутень* на свѣжую воду, находился и *Эдинбургскій Вѣстникъ* [2]). *Трутень*, не будучи въ силахъ отвѣчать *Вѣстнику* на дѣльную критику, принялся сперва по привычкѣ отвѣчать личностями, а потомъ старался всѣми средствами, во что бы то ни стало, поссорить редактора съ сотрудниками, а сотрудниковъ съ редакторомъ и съ *Лордомъ Байрономъ*. Съ сею цѣлію издатель *Трутня* напечаталъ вышесказанную выдумку. Но, къ несчастью, онъ далъ промахъ и напрасно ломалъ свою пустую голову: никто не поссорился, *Эдинбургскій Вѣст-*

1) Н. И. Гречъ.

2) Въ „Московскомъ Вѣстникѣ", дѣйствительно, было нѣсколько вылазокъ противъ Булгарина.

никъ продолжается и будетъ продолжаться на зло литературному артельщику, а только къ *Трутню* возбудилось презрѣніе больше прежняго — если это только возможно.

Одинъ изъ прежнихъ сотрудниковъ *Трутня*, изумленный мѣднолобіемъ своего прежняго журналиста — хозяина, долгомъ счелъ извѣстить о семъ почтеннѣйшую публику и помѣстилъ подъ своею статью эпиграфъ: Avis aux lecteurs[1]).

Мы съ своей стороны не можемъ не порадоваться, что подобныя статьи печатаются не у насъ, и что русскіе литераторы сохраняютъ въ спорахъ своихъ всю возможную пристойность".

Аллегорическое переругиванье, прекрасно вводящее насъ во всѣ подробности тогдашнихъ литературныхъ отношеній, этимъ не кончилось. Пересказывая очень подробно всю исторію литературнаго „паденія" Булгарина въ иносказательномъ видѣ, Воейковъ захотѣлъ потомъ еще опредѣленнѣе указать на него и въ 39 № „Славянина" за тотъ же годъ напечаталъ очень ядовитую статейку какого то Глотовскаго (вѣроятно, псевдонимъ того же Воейкова), на этотъ разъ съ болѣе чѣмъ ясными намеками и указаніями: „О знакомствѣ издателя *Лондонскаго Трутня* (The London Drone) съ знаменитыми покойниками, послѣ ихъ чины", съ эпиграфомъ:

А тѣ — кого съѣдятъ,
Не говорятъ!

„Въ IX, X и XI книжкахъ *Лондонскаго Трутня* издатель расхвастался своею дружбою съ великими современниками[2]); пухлымъ слогомъ, въ надутыхъ выраженіяхъ

1) Повидимому, Воейковъ подразумѣваетъ въ данномъ случаѣ настоящую свою статью. Раньше онъ участвовалъ въ „Сѣверной Пчелѣ" Булгарина и Греча.

2) Булгаринъ любилъ вспоминать о своемъ близкомъ знакомствѣ и даже дружбѣ съ уже скончавшимися дѣятелями (особенно Грибоѣдовымъ, Карамзинымъ—между прочимъ, въ „Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ" 1828 и пр.).

разсказалъ онъ о знакомствѣ своемъ съ *покойнымъ Наполеономъ* въ 1812 году на аванъ-постахъ передъ Бауденомъ[1]). „Покойный императоръ, говоритъ онъ, объѣзжая передовые посты своей большой арміи, прибылъ на отводный караулъ, гдѣ я, будучи коннымъ поручикомъ, командовалъ. Онъ соскочилъ съ вороного, пламеннаго коня своего (который также *покойникъ*), быстро подошелъ ко мнѣ, съ четверть часа весьма ласково со мною разговаривалъ, разспрашивалъ о моей службѣ и, записавъ въ свою памятную книжку мой полкъ, чинъ и фамилію, вскочилъ на храпящаго коня — и полетѣлъ, какъ молнія. На другой день произведенъ я былъ въ капитаны. Въ Лейпцигскомъ сраженіи превышающій въ силахъ непріятель тѣснилъ нашъ авангардъ; непріятельская кавалерія двинулась противу насъ; нашъ быстрый напоръ опрокинулъ тяжелыхъ россійскихъ ратниковъ. Преслѣдуя бѣгущихъ, мнѣ удалось двухъ изъ нихъ свалить съ ногъ. *Покойный* завоеватель Европы видѣлъ сіе съ возвышенія, съ котораго наблюдалъ движенія союзныхъ войскъ; быстро подскакалъ онъ къ моему полку на гнѣдомъ арабскомъ жеребцѣ (который теперь, вѣроятно, *покойникъ*) и, закричавъ: „*вся надежда на васъ — и надежда не плохая!*“, послалъ за мною *покойнаго* начальника главнаго штаба своего *Бертье*. Подъѣхавъ къ *покойному* его величеству, я опустилъ саблю; *покойникъ* снялъ съ *покойника Дюрока* крестъ почетнаго легіона — и привязалъ мнѣ въ петлицу. Въ это время вдали чернѣли непріятельскія колонны — и лучи заходящаго солнца отражались на блестящемъ оружіи“. Въ *десятой* книжкѣ словоохотный издатель *Лондонскаго Трутня* краснорѣчиво и трогательно повѣствуетъ о знакомствѣ своемъ съ *покойнымъ Карамзинымъ* въ бытность свою въ 1824 году въ Петербургѣ съ *покойнымъ* флота

---

1) Такая статья, дѣйствительно, есть у Булгарина.

капитаномъ *Кохреномъ.* Признаюсь, что я ни разу не видѣлъ у *покойнаго исторіографа* по вечерамъ этого англійскаго путешественника[1]) и ни отъ кого не слыхалъ объ немъ. Даже въ *Сѣверной Пчелѣ*, которая жужжала обо всякомъ заморскомъ пройдохѣ, прыгунѣ по канату, не было о семъ литераторѣ ни строчки. Между тѣмъ *вечера покойнаго исторіографа* описаны ловкимъ и смѣтливымъ издателемъ *Лондонскаго Трутня* такъ занимательно, такими истинными красками, что можно подумать, будто онъ цѣлую жизнь не разставался съ *покойникомъ.* Чудный вѣкъ! Есть искусники поддѣлывать бриліанты, золото, жемчугъ, недоставало фокусника для поддѣлки небывалой пріязни съ знаменитыми мужами: наконецъ, нашелся и такой художникъ... и гдѣ же?—Въ Лондонѣ, въ средоточіи европейскаго просвѣщенія! Половина одиннадцатаго нумера посвящена описанію дружбы съ *покойнымъ Бельзони*, знаменитымъ путешественникомъ по Египту, который гостилъ нѣсколько времени и у насъ въ Петербургѣ въ 1822 году. Издатель *Лондонскаго Трутня* обѣщаетъ намъ написать біографію покойника.

На сіе хвастовство издатель *Edinburgh Review*[2]) отвѣчалъ англійскою народною пословицею, которую можно перевесть на россійской языкъ такимъ образомъ: „*мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай!*"

Въ № 42 „Славянина" того же года нападки на Булгарина слиты съ вылазкой противъ Полевого (съ намеками на его купеческое происхожденіе и торговлю спиртными напитками): „Нѣчто объ издателяхъ англійскихъ журналовъ: „Лондонскій Трутень" и „Бомбайская Каланча". „Бомбайская Каланча" = „Московскій Теле-

---

1) Имѣется въ виду, конечно, Булгаринъ, какъ издатель „Лондонскаго Трутня".

2) „Славянинъ" или тотъ же „Московскій Вѣстникъ"?

графъ“ — прозваніе, пущенное въ ходъ „Дамскимъ Журналомъ“ и очень привившееся въ тогдашней журналистикѣ[1]).

„Въ нашей благословенной матушкѣ Россіи не бываетъ такихъ смѣшныхъ пѣтушьихъ дракъ между журналистами и такихъ жаркихъ перебранокъ, какъ въ чужихъ краяхъ, особливо въ Англіи, гдѣ чернь — страстная охотница до кулачныхъ боевъ, медвѣжьей травли и полемическихъ битвъ. Теперь всѣ журналисты и газетчики ведутъ войну съ задорными издателями *Лондонскаго Трутня* и *Бомбайской Каланчи*.

Первый, часто по привычкѣ, обидѣвшись какою-нибудь острою шуткою или замысловатою насмѣшкою своихъ товарищей и не умѣя отвѣчать шуткою на шутку, готовъ жаловаться на нихъ въ Парламентъ[2]). Въ отмщеніе за то издатели Edinburgh Review[3]) прозвали его *литературнымъ* ежомъ, Literary Urhin, а издатели *Лондонскаго Курьера*[3]) не величаютъ иначе, какъ литературнымъ крючкотворцемъ.

Другой, занимаясь прежде химіею и въ особенности перегонкою спиртованныхъ газовъ, вдругъ почувствовалъ талантъ пороть дичь, записался въ литературный цехъ и завелъ журнальную лавочку подъ вывѣскою *Бомбайская Каланча въ Золотомъ полѣ*. Но по пословицѣ: *горбатаго исправитъ могила*, онъ всѣ свои сравненія, всѣ риторическія тропы и фигуры заимствуетъ изъ химическихъ

---

1) См. „Дамскій Журналъ“ 1827 (VII, 32 — 39; XI, 253 — 261; XIII, 33 — 39; XIX, 38 — 42; XXII, 151 — 154); 1831 (IV, 123; XIX, 85); 1829 (II, 30; XII, 186; XXVIII, 22 — 23; XXII, 140 — 141); „Славянинъ“ 1829, VI — VII, 202 — 208: „*Бомбайскій журналистъ Николай Лѣсной*“. О заключенномъ въ концѣ 1827 г. мирѣ между Полевымъ, Булгаринымъ и Гречемъ см. „Московскій Вѣстникъ“ 1828 г., № VIII, стр. 94 — 95.

2) = Доносить.

3) Имѣются въ виду „Московскій Вѣстникъ“ и „Славянинъ“. Впрочемъ, „Лондонскій Курьеръ“ можетъ быть и „Дамскій Журналъ“.

препаратовъ[1]). Въ его журналѣ, говоритъ издатель *Лондонскаго Курьера*, найдете вы „кубъ бумагомаранія, въ коемъ перегоняетъ онъ слова, какъ спиртъ, посредствомъ паровъ санскритскаго языка[2]), и, сливая въ бочку массивныхъ (?) нарѣчій, закупориваетъ ихъ изобрѣтенною имъ мастикою шарлатанизма, а потомъ ставитъ эту подмѣсь въ темный подвалъ невѣжества“.

Редакторъ „Московскаго Вѣстника“, М. П. Погодинъ, благоразумно думалъ было уклониться отъ этой полемики. Онъ объявилъ въ своемъ журналѣ (1828 г., VIII, стр. 466): „Нѣкоторые читатели „Московскаго Вѣстника“ изъявили сожалѣніе, какъ я слышалъ, что въ этомъ журналѣ займутъ отнынѣ много мѣста журнальныя пренія. Они ошибаются: „Московскій Вѣстникъ“ *долженъ разъ* сказать свое мнѣніе о всѣхъ примѣчательныхъ явленіяхъ въ русской славесности *его времени*, но никогда не войдетъ въ частныя, безполезныя, унизительныя для себя журнальныя перепалки — особливо теперь, когда наши бойцы, къ сожалѣнію всѣхъ истинныхъ друзей просвѣщенія, выходятъ изъ границъ не только скромности, но даже *благопристойности*“.

Но идти противъ общаго теченія трудно, и, несмотря на всѣ благія намѣренія, самому „Московскому Вѣстнику“ вскорѣ пришлось выйти изъ этихъ границъ...

Уже въ X-ой книжкѣ (стр. 316 — 317) Строевъ „пустилъ“ и свою „аллегорію“ противъ Полевого.

„Въ 1810 году одинъ старожилъ-литераторъ, умирая, завѣщалъ мнѣ рукопись своего дневника, въ которомъ онъ обыкновенно записывалъ все, что видѣлъ и слышалъ

1) Намеки на купеческое происхожденіе Полевого и его водочные заводы. Срав. „Дамскій Журналъ“ 1828 г., № IV, стр. 201: „Винокуръ и его пріятель“. Въ сочиненіяхъ Полевого, дѣйствительно, попадаются сравненія, заимствованныя изъ торговаго міра и водочнаго дѣла.

2) Полевой имѣлъ слабость толковать о санскритскомъ языкѣ, о которомъ имѣлъ очень мало представленія.

на сценѣ нашего литераторства. Сколько въ этой рукописи анекдотовъ и похожденій, истинно забавныхъ! Напр., старикъ разсказываетъ, что въ 1778 году (ровно за 50 лѣтъ предъ симъ) онъ зналъ въ Москвѣ одного самозванца ученаго, который, когда ему приходила охота писать что-нибудь дѣльное, мастерски умѣлъ заманивать къ себѣ какого-нибудь знатока и въ видѣ разговора выспрашивать, что ему нужно, а въ то же время его cousin[1]), сидя за ширмами, записывалъ слышанное. Бывало, выйдетъ въ свѣтъ разсужденіе—и дѣльно, и изрядно: *а ларчикъ просто открывался.*—Еще старикъ слышалъ отъ своего дѣда: въ 1728 году *(ровно за сто лѣтъ предъ симъ)* одинъ писака издавалъ нѣчто въ родѣ журнальной смѣси, подъ названіемъ: „Московская Каланча". Умники воображали, что, дабы разсуждать о чемъ-нибудь дѣльно, должно говорить свысока: бывало, влѣзетъ на свою каланчу да и занесетъ дичь. Тогда была пословица отвѣчать разскащикамъ небылицъ: *ужъ не съ каланчи ли ты то принесъ?* Однажды,

Ахъ! его лукавый побери...

Но письмо мое слишкомъ длинно. Когда издатель „Московскаго Телеграфа" помѣститъ у себя въ журналѣ статью изъ Edinb. Review: *о пивныхъ кабакахъ въ Англіи* (съ посвященіемъ ея мнѣ), я доставлю вамъ, для помѣщенія въ вашемъ „Вѣстникѣ", десятка полтора анекдотовъ изъ моей рукописи о томъ же писакѣ, который въ 1728 г. издавалъ въ Москвѣ *Каланчу* и, въ знакъ обоюдной учтивости, буду имѣть честь дедиковать ихъ почтеннѣйшему Н. А. Полевому. Courage, г. издатель „Телеграфа": скорѣе за пивные кабаки—я за рукопись![2])"

---

1) К. Полевой?

2) Срав. еще „Дамскій Журналъ" 1828 г., № XIII, стр. 29: „Онъ, или три гильдіи":

Онъ первой гильдіи глупецъ,
Второй онъ гильдіи купецъ,
А третьей гильдіи писецъ.

Полевой и Булгаринъ, конечно, не оставались въ долгу, — и аллегорическая брань переходила въ открытую. Булгаринъ, вообще не брезгавшій никакими средствами, отъ аллегорическихъ толковъ о раздорахъ въ редакціи „Московскаго Вѣстника“ перешелъ къ открытой лжи и объявилъ о выходѣ Погодина изъ состава редакціи. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (1828 г., № VIII, стр. 466) Погодинъ долженъ былъ возражать: „Въ Сѣверной Пчелѣ“ объявлено, что я перестаю издавать „Московскій Вѣстникъ“, избирая для себя занятія полезнѣйшія, и предоставляю изданіе г-ну Шевыреву: изъ какихъ актовъ, какимъ образомъ г-да издатели присваиваютъ себѣ право, мнѣ одному надлежащее, дѣлать подобныя объявленія и вмѣшиваться въ чужія дѣла, — почему знаютъ они, что̀ я почитаю полезнымъ, и что̀ полезнѣйшимъ?“

Все это очень характерно для нашихъ старинныхъ журнальныхъ нравовъ, которые сами журналисты сопоставляли съ „пѣтушьими боями“ и „медвѣжьей травлей“.

Министръ народнаго просвѣщенія долженъ былъ напоминать цензурному комитету („Русская Старина“ 1900 г., № 5, стр. 302): „примѣчается, что въ повременныхъ сочиненіяхъ, издаваемыхъ разными журналистами, выходятъ подъ названьемъ разныхъ критикъ и антикритикъ не столько полезныя о словесности сужденія, сколько бранныя одного съ другимъ переписки, часто имѣющія цѣлью одно только несообразное съ благонравіемъ публичное оскорбленіе другъ друга“. А въ своемъ первомъ посланіи къ цензору Пушкинъ совѣтовалъ:

. . . вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань —
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань. . .

Вл. Каллашъ.

Предполагаемый литературный источникъ для біографіи А. С. Пушкина.

Въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ нынѣшняго года помѣщена статья П. Е. Щеголева: „А. С. Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 г.“. Въ ней сообщаются изъ бумагъ „страстнаго любителя книгъ“, В. Ф. Щербакова, весьма интересныя свѣдѣнія о студенческой[1]) рукописной литературѣ начала 30-хъ гг. прошлаго столѣтія и обрисовывается отношеніе къ Пушкину той части тогдашняго студенчества, которая состояла изъ франтовъ и свѣтскихъ любезниковъ и ухаживателей и составляла, очевидно, самую *пошлую* часть студенческой молодежи. Поэтому, нельзя не пожалѣть, что авторъ, назвавъ свою статью: „А. С. Пушкинъ и *московскіе студенты*“ обобщилъ бывшіе въ его рукахъ факты и тотъ *пошлый* тонъ, какимъ отличались издатели студенческаго рукописнаго журнала „Момусъ“ (о которомъ по преимуществу и идетъ рѣчь въ статьѣ г. Щеголева), какъ-бы приписалъ вообще тогдашнимъ студентамъ Московскаго Университета. Между тѣмъ, тѣ пошлыя отношенія къ

---

1) Такъ думаетъ г-нъ Щеголевъ, хотя ни изъ чего не видно, чтобы кружокъ Щербакова былъ непремѣнно кружкомъ студенческимъ.

Пушкину, какія обнаруживаются въ журналѣ „Момусъ", вовсе не характеризуютъ отношеній къ А. С. Пушкину Московскихъ студентовъ вообще. Достаточно вспомнить, что какъ разъ въ это время въ числѣ Московскихъ студентовъ былъ Бѣлинскій.

Но въ данномъ случаѣ можно обойтись и безъ такихъ припоминаній. И поможетъ намъ въ этомъ тотъ самый романъ „Теодоръ и Розалія", о которомъ не было до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній, — но въ которомъ, по словамъ самого Пушкина, была разсказана его сердечная исторія. Характеризуя отношенія къ Пушкину Московскихъ студентовъ 1831 г., г-нъ Щеголевъ цитируетъ, между прочимъ, письмо Пушкина къ женѣ отъ 10-го декабря 1831 г. изъ Москвы, въ которомъ Пушкинъ сообщалъ, какъ онъ провелъ предыдущій день: „Вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента-дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ *романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ описываетъ нашу исторію. Умора!* Все это, однако-жъ, не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ Петербургъ".

„Къ сожалѣнію", говоритъ г-нъ Щеголевъ, „не смотря на всѣ наши поиски въ библіографическихъ росписяхъ, каталогахъ книжныхъ магазиновъ и газетныхъ объявленіяхъ, намъ не удалось разыскать романа „Теодоръ и Розалія". Быть можетъ, онъ поднесенъ былъ Пушкину въ рукописи" (стр. 221).

Указаніе Пушкина на романъ „Теодоръ и Розалія", какъ на описаніе его сердечной „исторіи" столь важно, что намъ понятно стремленіе изслѣдователей отыскать этотъ романъ, чтобы, при помощи его, подробнѣе познакомиться съ однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни нашего великаго писателя. Но до сихъ поръ романъ этотъ оставался неизвѣстнымъ и надежда познакомиться съ нимъ почти была потеряна.

Къ счастію, въ настоящее время это „біографическое"

въ отношеніи Пушкина недоумѣніе можетъ быть разъяснено, такъ какъ мнѣ удалось отыскать упоминаемый въ письмѣ Пушкина романъ и имя его автора.

Несчастный обожатель Н. Н. Гончаровой, заслужившій отъ Пушкина титулъ „студента-дурака", былъ *Θеодоръ Θоминскій*, о которомъ, къ сожалѣнію, я никакихъ свѣдѣній сообщить не могу. Романъ его, озаглавленный: „*Невѣдомые Теодоръ и Розалія, или высочайшее наслажденіе въ бракѣ. Нравоучительный романъ, взятый изъ истиннаго происшествія. Сочиненіе Θеодора Θоминскаго*", напечатанъ въ Москвѣ, въ типографіи Лазаревыхъ Института восточныхъ языковъ, въ 1832 г. (цензурное разрѣшеніе дано 23-го октября 1831 г.; цензоръ — Сергѣй Аксаковъ).

Кромѣ этого романа, Θедору Θоминскому принадлежатъ еще: 1) „Дума Александръ I", напечатанная въ Москвѣ, въ типографіи Авг. Семена въ 1831 г. (цензурное дозволеніе — 26-го сентября 1831 г.). Посвящена графинѣ М. А. Ростопчиной.

2) „Баллада Свѣтлана и ея женихъ суженый и ряженый". Москва. Въ типографіи Авг. Семена. 1831 (цензурное дозволеніе 22-го сентября 1831 г.). Оба эти произведенія — въ одной оберткѣ.

3) „Новая Аглая или юныя чувства души и сердца". Москва. Въ типографіи Авг. Семена. 1831 (цензурное дозволеніе 23-го сентября 1831). Посвящено: Ольгѣ Львовнѣ Турчаниновой, урожденной Княжнѣ Грузинской, и Александрѣ Николаевнѣ *Невѣдомой.*

Это — сборникъ мелкихъ стихотвореній, большею частію обращенныхъ къ тѣмъ красавицамъ, которыя волновали сердце автора. Между прочимъ, есть стихотвореніе „*Къ другу*", посвященное О. Л. Т., т. е. Ольгѣ Львовнѣ Турчаниновой. Одно стихотвореніе посвящено „Его Превосходительству Ивану Юрьевичу Николеву", одно озаглавлено: „Въ день ангела Л. И. Николевой", одно напи-

сано на день рожденія графа Н. Д. Т. Все это характеризуетъ кругъ знакомыхъ Өедора Өоминскаго и можетъ пригодиться для разъясненія его личности. Нѣсколько стихотвореній посвящено Александрѣ *Николаевнѣ Невѣдомой*, подъ которой, можетъ быть, скрыта Наталья *Николаевна* Гончарова.

Къ этой *Невѣдомой* относятся:

1. „*Увѣреніе*", начинающееся вопросомъ:

„Зачѣмъ меня *боишься* ты?
Ужель могу я быть опасенъ?
Ужель моей любви мечты
И увѣренья трудъ напрасенъ?

Но на эти вопросы:

„Молчанье! былъ мнѣ твой отвѣтъ;
Ты только на меня взглянула,
Что значитъ то? „Ни да, ни нѣтъ?"
Улыбка на устахъ вспорхнула!"

2. «*Идеалъ*», которымъ оказалась Александра Николаевна Невѣдомая:

„Напрасно зрѣлъ я красоты,
Все сердце мрачнымъ пребывало:
Но вдругъ глазамъ явилась ты,
И сердце вдругъ грустить престало!"—

3. «*Признаніе*», въ которомъ изображается всѣхъ покоряющая красота Невѣдомой:

„О другъ мой! Кто тебя лишь знаетъ,
Не можетъ, чтобъ не обожать!
За взглядъ одинъ готовъ бываетъ
Весь вѣкъ у ногъ твоихъ вздыхать". —

4. «*Роза*». —

5. «*Портретъ красавицы*» (одно изъ самыхъ неудачныхъ

стихотвореній, состоящее изъ простаго набора нѣжныхъ словъ). —

6. «*Письмо къ Невѣдомой*», изъ котораго узнаемъ, что невѣдомая красавица не только не обращала на пылкаго автора никакого вниманія, но прямо пренебрегала его страстью. „Ты страсть мою *пренебрегаешь*“, жалуется ей несчастный вздыхатель: „*противенъ* взоръ мой для тебя“, и приписываетъ такое пренебреженіе гордости:

„Ты, гордостью водясь одною,
Какъ! молвишь, смѣлъ прельщаться мной?

Несмотря на это, авторъ рѣшительно говоритъ ей:

„Теперь же знай, что сколь сурова
Ко мнѣ ты ни желаешь быть;
Во мнѣ-же сердца нѣтъ другова,
Одно-жъ тебѣ принадлежитъ!“

Изъ всѣхъ этихъ стихотвореній ясно, что Александра Николаевна Невѣдомая серьезно плѣнила сердце Ѳедора Ѳоминскаго, человѣка, какъ видно по его стихотвореніямъ, влюбчиваго и сентиментально-страстнаго.

Впрочемъ, А. Н. Невѣдомая была не единственнымъ *идеаломъ* автора. Въ стихотвореніи «*Воспоминаніе идеала*» упоминается уже не объ Александрѣ, а о Маріи, съ которой авторъ мечталъ даже „соединиться“, но насталъ „разлуки скорбный часъ, минуты горестны прощанья“,—и все ограничилось съ ея стороны „милымъ даромъ“ въ воспоминанье, а съ его — „осеннимъ“ цвѣткомъ, который долженъ былъ изображать самогó автора.

Дѣйствительно-ли подъ А. Н. Невѣдомой надо разумѣть Н. Н. Гончарову, рѣшить трудно. Единственнымъ основаніемъ для этого служатъ вышеприведенныя слова Пушкина, указывающія на Ѳоминскаго, какъ на обожателя Гончаровой. Точно также остается неизвѣстнымъ, зналъ-ли Пушкинъ о стихотворныхъ изліяніяхъ Ѳомин-

скаго? Вѣроятно, — нѣтъ, ибо онъ объ нихъ ничего не говоритъ и узналъ о „писательствѣ“ Ѳоминскаго, повидимому, только изъ поднесеннаго ему романа.

Между прочимъ, въ числѣ стихотвореній Ѳоминскаго есть „Моя просьба *при вступленіи въ полкъ*“. Такъ какъ сборникъ его стиховъ изданъ въ 1831 г. и уже въ концѣ сентября былъ въ цензурѣ, то, значитъ, авторъ въ это время фактически уже не былъ студентомъ, чего, впрочемъ, Пушкинъ могъ и не знать. Вотъ всѣ свѣдѣнія, какія можно извлечь о Ѳоминскомъ изъ его собственныхъ произведеній; другихъ никакихъ у насъ нѣтъ.

Теперь вопросъ: принадлежитъ-ли Ѳоминскій къ тому кружку пошлыхъ ухаживателей и вздыхателей, который издавалъ журналъ „Момусъ“ и о которомъ только и говорится въ статьѣ г-на Щеголева? По всей вѣроятности — нѣтъ. Стихотворенія Ѳоминскаго очень плохи, но въ нихъ нѣтъ ничего пошлаго. Первое стихотвореніе „Слезы“ даже очень недурно и по внѣшней формѣ, и по выраженному въ немъ чувству.

Но еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ *его романъ*, о которомъ писалъ Пушкинъ и къ которому мы теперь и перейдемъ.

Романъ написанъ *въ защиту брака*, и авторъ всѣми силами старается раскрыть передъ читателями всѣ прелести *чистой*, *возвышенной* брачной жизни. Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Я буду восхищаться и въ полной мѣрѣ вознагражденъ буду за свой трудъ, если удастся мнѣ иную мечтательную дѣвицу, любви достойную, рѣшившуюся по какимъ-нибудь побужденіямъ остаться на всегда въ одиночествѣ, покорить ее пріятной власти брака, или иного состарѣвающагося холостяка уклонить отъ его затѣй“.

Романъ состоитъ изъ четырехъ главъ. Первую составляетъ письмо Теодора къ другу его Карлу, въ кото-

ромъ онъ разсказываетъ, что, попавъ на свадьбу знакомой дѣвицы, онъ встрѣтилъ на балу особу, которая плѣнила его сердце. Звали ее Розаліей. Кончается письмо тѣмъ, что Теодоръ сдѣлалъ предложеніе, — и оно было охотно принято.

Во второй главѣ описывается самый бракъ.

Въ третьей, написанной опять въ формѣ письма Теодора къ другу его Карлу, описываются „утѣхи отца и матери: величайшее удовольствіе въ бракѣ".

Четвертая глава состоитъ изъ письма Карла къ Теодору и описываетъ жизнь холостяка.

Основная тема романа — настойчивое, съ увлеченіемъ (хотя и въ через-чуръ наивной формѣ) проповѣдуемое преимущество брачной жизни передъ жизнью холостяка. Бракъ понимается авторомъ въ самой возвышенной, идеально-чистой формѣ, какъ союзъ двухъ, *одинаково чистыхъ*, людей, соединенныхъ искренней, глубокой и чистой взаимной любовью.

„О, торжество дружбы и любви", восклицаетъ авторъ, описывая бракъ Теодора и Розаліи: „никто еще тебя достойно не воспѣлъ! Сколь трогательно зрѣлище, когда двѣ разнаго пола особы, которыя безъ наималѣйшей корысти, единственно по собственной доброй волѣ и сердечному влеченію другъ друга избрали, предстоя предъ трономъ Всевышняго, среди почтенныхъ свидѣтелей, соединяютъ руки вмѣстѣ и сердца свои, въ знакъ *искренняго своего дружества* [1]); когда во святилищѣ семъ клянутся двѣ вѣрныя души дѣлить одна съ другою любовь, радости и печали; когда они обѣщаютъ и хотятъ все имѣть общее и одинъ въ другомъ находятъ все. *Священный узелъ дружества! о, если онъ есть бракъ*, если онъ у алтаря связывается, кто знаетъ изящнѣе и пріятнѣе сего

1) Курсивъ здѣсь и далѣе — вездѣ мой. Ф. В.

на земли удовольствіе? Но вы, любезные читатели и милыя читательницы! не будьте вовсе неимовѣрны, столь чисто, искренно и достойно онъ еще часто заключается, а если у нѣкоторыхъ и не таковъ, *то вы старайтесь сдѣлать его таковымъ, ибо сіе отъ васъ зависитъ*" (стр. 49). Этотъ тонъ *нравственной чистоты* проходитъ черезъ весь романъ.—Описывая брачное торжество Теодора и Розаліи, авторъ рисуетъ такую картину душевнаго состоянія невѣсты:

„Уже радостныя чаши торжества осушены. Въ залѣ становится тише, одинъ за другимъ уходятъ; уже свахи облекаютъ Розалію въ одежду бѣлѣе снѣга и тонче воздуха, и грудь Розаліи болѣе и болѣе подымается, сердце ея очень бьется отъ любви, робости, *кроткаго дѣвичества* и стыда. Не принуждайте меня, любезные читатели, изображать сего далѣе, *но вѣрьте мнѣ, что страсти не всегда подымаютъ дѣвическую грудь*. Вотъ самая та критическая минута, въ которую дѣвица начинаетъ жить. Теперь необыкновенность дня, совсѣмъ другія приготовленія, мысль о многомъ, и что скоро она останется наединѣ, производятъ въ душѣ ея толпу смутныхъ и непонятныхъ чувствованій, отъ чего кровь ея въ сильнѣйшее приходитъ волненіе; *но не смѣйте называть оное волненіе нечистымъ; оно бываетъ неблагородно и нечисто отъ злоупотребленія*".

Заканчивается-же глава о брачномъ счастіи Теодора и Розаліи и о волновавшихъ ихъ при этомъ чувствахъ такими словами:

„Кто начертаніе сіе называетъ надутымъ, мѣру превосходящимъ, тотъ, конечно, не знаетъ, каковы бываютъ чувствованія въ первой своей силѣ; тотъ, конечно, взялъ жену болѣе изъ выгодъ, а не по любви; но когда въ непорочныхъ сердцахъ брако-вѣнчанной какой дѣвицы разгорается сей пламень въ первый еще разъ, то описаніе сіе еще весьма слабо. И кто сего опыта никогда не имѣлъ, кто изъ сей чаши никогда не пилъ, тотъ не узналъ еще о

высочайшей степени человѣческихъ ощущеній. Избранная тобой дѣвица да будетъ благонравная, милая, умная и въ полномъ цвѣтѣ юности! Ищи, храни, домогайся ея; . . . которая тебѣ судьбою назначена, когда-нибудь о тебѣ вздохнетъ; ищи, — найдешь и будетъ она твоя. . . *Но будь и самъ не искаженъ, въ цвѣтущей юности здравія, мужественъ*, — и, будучи таковымъ, прими въ объятія супругу твою; тогда узнаешь, какой цѣны любовь есть такой супруги; тогда признáешь не ложнымъ, что супруга твоя всегда будетъ имѣть для тебя новыя прелести любви, и ты почтешь себя благополучнымъ въ семъ мірѣ" (стр. 54 — 55).

Другъ Теодора, Карлъ, изъ переписки съ которымъ состоитъ большею частію романъ, былъ холостякъ и жилъ съ любовницей. Соединившись брачными узами съ Розаліей, Теодоръ, въ письмѣ къ Карлу, съ восторгомъ изображаетъ свое семейное счастіе, прочность и нравственную чистоту связывающихъ его съ Розаліей взаимныхъ чувствъ и, наконецъ, какъ верхъ супружескаго блаженства, родительскія чувства и радости, когда онъ сталъ отцомъ.

„Я сдѣлался отцомъ!" писалъ онъ своему другу: „Мы несправедливо судили, когда почитали бракъ не инымъ чѣмъ, какъ только блистательнымъ игомъ. Нѣтъ! нѣтъ! онъ заключаетъ въ себѣ неисчислимыя услажденія, о которыхъ прежде мнѣ и во снѣ не видѣлось". Сознаніе своего родительскаго долга исторгаетъ у него такія восклицанія: „Не прекрасное-ли то зрѣлище, не великое-ли и славное званіе! Теперь я чувствую, что довольно въ свѣтѣ и одного того дѣла, когда кто добрый отецъ есть, и что тотъ, исполняя сей долгъ во всей точности, можетъ имѣть большее достоинство, нежели иной владѣтель".

Увлеченный и восхищенный своимъ семейнымъ счастіемъ и новыми нравственными горизонтами, открывши-

мися ему въ брачной и семейной жизни, Теодоръ начинаетъ горячо убѣждать своего друга бросить безпорядочную холостую жизнь съ любовницей и вступить на путь семейнаго благополучія.

„Я прошу тебя, Карлъ!“ писалъ онъ: „выбери себѣ также дѣвицу по сердцу своему и сочетайся съ нею; ты живешь теперь, такъ сказать, въ половину. Мысль счастливыми сдѣлать людей извлекала всегда изъ глазъ твоихъ радостныя слезы. О! исполни оную на дѣтяхъ твоихъ; ни на комъ лучше не можешь оную исполнить, какъ на нихъ; никто съ большею благодарностію того не принимаетъ, какъ они; и ни къ кому также, по достиженіи всѣхъ своихъ намѣреній, не можешь надежнѣе преклониться, какъ къ нимъ. Повѣрь мнѣ напередъ только на слово, что чувствованіе содѣлаться отцомъ въ счастливомъ бракѣ есть утѣшительнѣйшее, и отстань отъ непостоянной, страннической своей жизни.

„Какъ прекрасною не называй ты любовницу свою, но она все только наложница, которая пожертвуетъ тобою всякому другому, кто только больше тебя платить ей будетъ, и которая, сколь много бы ни участвовала въ богатствѣ твоемъ, всегда неблагодарна. А когда ты вступишь въ бракъ искренно съ доброю женою, когда она полагать будетъ въ тебѣ все свое счастіе; когда твое счастіе будетъ ея счастіемъ, твое несчастіе ея несчастіемъ; тогда только соучастіе въ твоемъ богатствѣ и попеченіе объономъ сопровождаемо будетъ признательностію. . .

„Повѣрь мнѣ, любезный другъ, что ты смотришь на бракъ злобными глазами; онъ, по истинѣ, не бремя, какъ ты думаешь, *а самое искреннѣйшее дружелюбное двухъ сердецъ соединеніе, которое отеческимъ и материнскимъ чувствомъ гораздо тѣснѣе становятся.*

„Какая твоя нынѣшняя жизнь? Жизнь, не имѣющая никакой цѣли! Для кого ты трудишься, для кого соби-

раешь? Для неблагодарности, для расточительности! *О, Карлъ! дай жизни своей опредѣленіе, избери себѣ жену по сердцу своему*, и тогда стократно искреннѣе соединены мы будемъ другъ съ другомъ.

„О, сколь я счастливъ, содѣлавшись отцомъ! Теперь стократъ дороже мнѣ жена моя. Она мать моего и своего дитяти! Сколь много сія мысль заключаетъ въ себѣ очаровательнаго для меня, чего я и сказать не въ силахъ! Жена моя представляется мнѣ *еще стократъ прекраснѣе, какъ она стала матерью; она теперь великое имѣетъ достоинство, которое вселяетъ въ меня высокое къ ней почтеніе;* я сопряженъ съ нею симъ дитятею еще тѣснѣе.

„О, Карлъ! *безъ сего отеческаго чувствованія ты ничто;* ты можешь имѣть оное существенно только въ бракѣ, въ искреннемъ и вѣрномъ соединеніи съ твоею женою".

Всѣ эти восторги Теодора отъ удовольствій семейной жизни вытекаютъ *изъ самаго чистаго, вполнѣ цѣломудреннаго* источника.

Нарисовавъ своему другу такую картину: „Розалія моя сидитъ насупротивъ меня; я читаю книгу; младенецъ опять питается *прикрытою скромно* грудью ея; она смотритъ (думая, что я не примѣчаю) то на младенца, то на меня, какъ будто сравниваетъ черты его съ моими", онъ далѣе разсказываетъ: "Восхищенъ бывъ сердечною любовію моей жены, хотѣлъ было я раздѣлить съ младенцемъ поцѣлуй на груди ея; *но она тотчасъ прикрыла съ скромностію бѣлымъ платкомъ волнующуюся грудь свою и притомъ, ударивъ меня тихонько по губамъ, назвала безстыдникомъ*. Карлъ! ты рисуешь хорошо, нарисуй же сіе явленіе и подари мнѣ.... а я подпишу внизу: картина счастливаго супружества" (стр. 74). По мнѣнію молодыхъ и счастливыхъ супруговъ, ихъ бракъ, а еще болѣе—ихъ ребенокъ тѣснѣе соединили ихъ съ человѣчествомъ, сдѣлали болѣе наклонными къ благотворенію и состраданію (стр. 77).

Любуясь своимъ младенцемъ, Теодоръ и Розалія восхищаются его здоровымъ видомъ и радуются, что онъ не будетъ ихъ *проклинать, какъ иные дѣти своихъ истощенныхъ и слабыхъ родителей проклинаютъ*", „будетъ нѣкогда женѣ своей здоровымъ мужемъ, а дѣтямъ здоровымъ отцомъ". Мысль эта вызываетъ обоихъ супруговъ на взаимную благодарность:

„Благодарю тебя, Розалія!" говоритъ Теодоръ: „что ты была цѣломудренная и благородно мыслящая дѣвица". „А я благодарю тебя", отвѣчаетъ Розалія, „за то, что ты юношескихъ своихъ силъ не растерялъ распутствомъ" (стр. 80 — 81).

Противополагая свою чистую, счастливую семейную жизнь холостой и безпорядочной жизни своего друга, Теодоръ спрашиваетъ его:

„Скажи мнѣ, можетъ ли твоя любовница доставить тебѣ хотя нѣсколько чистѣйшихъ сихъ утѣшеній? Какую ведешь ты пустынную, скорбную и любви лишенную жизнь? Можешь-ли ты съ любовницею столь искренно радоваться о потомствѣ своемъ? Да и имѣютъ-ли еще сіе желаніе души ваши и обѣ-ли?

„Какое отличительное имѣешь ты отъ моего чувствованіе, когда, по утоленіи *дикаго* своего желанія, спѣшишь изъ объятій ея, такъ сказать, опрометью. Я воображаю, какъ ты извиняешься тогда недосугомъ, чтобъ только пристойнымъ образомъ безъ шуму удалиться отъ нея. Какая тоска, унылость и омерзѣніе тогда слѣдуютъ за тобою!

„Посмотри на меня: тебѣ покажется чудомъ. Я всегда веселѣе прежняго, моя любовь къ Розаліи не могла утолиться такъ, *какъ дикая, скотская страсть*; она еще больше умножается; я склоннѣе къ упражненіямъ своимъ и больше ощущаю въ себѣ духа, огня и силы дѣятельной".

И все это производитъ любовь, но любовь *чистая,* „со-

гласная и во всемъ соотвѣтственная, взаимное услажденіе душъ, которое притомъ не слабѣетъ, но больше еще возбуждается и усиливается, а впослѣдствіи производитъ пріятнѣйшую веселость отъ воспоминанія столь согласной любви и ея цѣли“ (стр. 84 — 85).

Убѣждая всѣми этими разсужденіями своего друга перемѣнить безпутную холостую жизнь на чистую и счастливую семейную, Теодоръ, наконецъ, увѣряетъ его: „Не сомнѣвайся больше, любезный Карлъ, чтобъ ты не нашелъ дѣвицы по сердцу своему. *Право, мы очень худо мыслимъ о дѣвицахъ* и весьма многими заражены предразсудками въ разсужденіи ихъ; повѣрь мнѣ, что онѣ не столь отмѣнныя отъ насъ и злонравныя творенія, какъ ты о нихъ по большей части думаешь, если только мы умѣемъ ихъ найти и преклонить на любовь“ (стр. 86).

Всѣ эти увѣщанія, въ концѣ концовъ, повліяли на Карла, который, сознавшись, что онъ не имѣетъ къ своей любовницѣ „никакого чувства благороднаго, кромѣ плотскаго сладострастія“, что онъ *унижается и больше уподобляется скоту*, рѣшаетъ разстаться со своей любовницей и проситъ Розалію, чтобъ она выбрала ему въ жены „подобную себѣ дѣвицу“, „и тогда“, пишетъ онъ Теодору, „я почту себя благополучнымъ изъ смертныхъ! *Пусть многіе научатся изъ опыта моего, лучше-ли вступить въ бракъ или жить холостымъ*“ (стр. 120).

Это горячее, хотя и наивное, восхваленіе нравственной чистоты брачной жизни, поднесенное авторомъ Пушкину послѣ его женидьбы и даже, можетъ быть, вызванное этой женидьбой, даетъ намъ право не причислять Ѳедора Ѳоминскаго къ числу пошлыхъ ухаживателей за Н. Н. Гончаровой, описанныхъ въ статьѣ г-на Щеголева и позволявшихъ себѣ ревниво и пошло вышучивать Пушкина за преимущество, оказанное ему Гончаровой передъ всѣми этими пошляками.

Но тогда является вопросъ: Чѣмъ-же вызванъ рѣзкій отзывъ Пушкина и объ авторѣ („студентъ-дуракъ“), и о романѣ („умора“)?

По моему мнѣнію, отзывъ объ авторѣ есть просто результатъ субъективнаго настроенія поэта, вызваннаго вообще впечатлѣніемъ отъ всѣхъ этихъ пошлыхъ ухаживателей за Н. Н. Гончаровой, отъ которыхъ, по огульному впечатлѣнію, ничѣмъ не отдѣлялся и Ѳедоръ Ѳоминскій.

Отзывъ же о романѣ вызванъ его почти дѣтской наивностью и очень неудовлетворительной формой. Собственно, это вовсе и не романъ: ни событій, ни характеровъ, ни завязки—ничего въ немъ нѣтъ. Это юношески-идеалистическія изліянія по поводу самаго обыкновеннаго житейскаго факта. И такъ какъ самъ Пушкинъ уже пережилъ въ это время періодъ юношескаго идеализма (ему въ концѣ 1831 года шелъ уже 32-й годъ), то ему произведеніе Ѳедора Ѳоминскаго и должно было показаться „уморительнымъ“, тѣмъ болѣе, что оно и по изложенію—произведеніе чисто дѣтское.

Если намъ пришлось такъ долго на немъ остановиться и такъ подробно излагать его содержаніе, то только потому, что, по словамъ Пушкина, въ произведеніи Ѳоминскаго описана сердечная исторія самого Пушкина.

Но тутъ мы рѣшительно недоумѣваемъ: какое отношеніе къ этой исторіи имѣетъ романъ Ѳоминскаго? Съ фактической стороны—никакого. Во всемъ романѣ только два обстоятельства могутъ напомнить Пушкина: первое то, что Теодоръ и Карлъ — лиценсты (см. стр. 29 — 30); второе — отношеніе Теодора и Карла соотвѣтствуютъ отношеніямъ между Пушкинымъ и П. В. Нащокинымъ, и если подъ Теодоромъ разумѣютъ Пушкина, то Карлъ напомнитъ намъ П. В. Нащокина. Слѣдовательно, приходится признать, что романъ „Теодоръ и Розалія“ имѣетъ къ сердечной исторіи Пушкина отношеніе, такъ сказать,

психологическое, нравственное, изображая высокую настроенность Пушкина и его невѣсты.

А еще проще предположить, что Пушкинъ опредѣлилъ содержаніе романа, не читая его, со словъ самого Ѳоминскаго, который, поднося романъ, долженъ-же былъ объяснить, почему именно онъ его подноситъ. Вѣроятно, онъ оправдывалъ передъ Пушкинымъ свою „смѣлость" не достоинствами романа, а тѣмъ, что въ немъ описана сердечная исторія самого Пушкина; при чемъ тутъ-же и прочелъ, вѣроятно, нѣсколько страницъ. Выслушавъ чтеніе и спровадивъ автора, Пушкинъ врядъ-ли сталъ „дочитывать" романъ и сообщилъ объ немъ женѣ просто какъ о „курьезѣ", не придавая ему ровно никакого значенія: ни литературнаго, ни „біографическаго".—Во всякомъ случаѣ, романъ этотъ къ біографіи Пушкина никакого отношенія не имѣетъ.

Ф. Витбергъ.

Іюль — Августъ 1904 г.

Изъ двадцатыхъ годовъ.

Замѣтки и матеріалы.

I.

Къ біографіи Я. Н. Толстого.

Въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго о Яковѣ Николаевичѣ Толстомъ[1]) выяснены черты жизни и характера этого человѣка, котораго Пушкинъ находилъ возможнымъ называть „раннимъ философомъ". Изученіе личности Я. Н. Толстого, интересное и необходимое съ исторической точки зрѣнія, имѣетъ и спеціальный интересъ, — для пушкинской біографіи. Одной изъ ея задачъ является изслѣдованіе отношеній и знакомствъ поэта и опредѣленіе возможныхъ на него вліяній всякихъ его друзей и пріятелей. Съ Я. Н. Толстымъ Пушкинъ встрѣчался въ кружкѣ „Зеленой лампы". Г. Модзалевскій справедливо указываетъ на то, что кружокъ членовъ этого веселаго сообщества не преслѣдовалъ исключительно цѣлей кутежа, волокитства, дебоширства и т. д. Въ кружкѣ, — „этомъ пріютѣ любви и вольныхъ музъ" велись безконечные споры, и несомнѣнно, если вспомнить духъ вре-

---

1) Б. Л. Модзалевскій. Яковъ Николаевичъ Толстой (Біографическій очеркъ). Съ приложеніемъ портрета. С.-Пб. 1899 (оттискъ изъ „Русской Старины" 1899 г., № 9 и 10).

мени, — по большей части на темы о вольности. Исторія „Зеленой лампы“ далеко еще не изучена, не выяснены даже физіономіи членовъ, но мы не ошибемся, сказавъ, что среди нихъ Я. Н. Толстой оказывался однимъ изъ способнѣйшихъ вести разговоры на отвлеченныя темы.

„Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни;
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.
Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ
И на лампаду Эпиктета
Златой Горацієвъ фіалъ“.

Въ цѣляхъ специально-пушкинскихъ и общеисторическихъ наиболѣе любопытнымъ представлялось бы изученіе отношеній Я. Н. Толстого къ тому общественному движенію, конечный взрывъ котораго произошелъ на Сенатской площади 14-го декабря 1825 года. Но мы можемъ пока только поставить вопросъ и разрѣшить его лишь въ самой общей формѣ. Свѣдѣнія о Толстомъ, какъ членѣ тайнаго общества, крайне скудны и глухи. Достовѣрно, во всякомъ случаѣ, что онъ былъ членомъ Общества, и притомъ — однимъ изъ старѣйшихъ и авторитетныхъ. Объ этомъ можно заключить по слѣдующему отрывку изъ „Записокъ“ кн. Е. П. Оболенскаго. Оболенскій разсказываетъ о ходѣ дѣлъ Общества въ самомъ началѣ 1825 года. „Въ это время, пишетъ онъ, по дѣламъ Общества все находилось въ какомъ-то затишьѣ. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ были вдали отъ Петербурга: Николай Ивановичъ Тургеневъ за-границей, Яковъ Николаевичъ Толстой тамъ же, Иванъ Ивановичъ Пущинъ въ Москвѣ, Сергѣй Петровичъ Трубецкой въ Кіевѣ, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ также въ Москвѣ. Такимъ образомъ, наличное

число членовъ Общества въ Петербургѣ было весьма ограниченно. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить собою цѣль и намѣренія Общества, и потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности черезъ взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные періодически назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825-ый годъ“ [1]). Въ этомъ отрывкѣ нужно обратить вниманіе на то, что Оболенскій именуетъ Толстого среди виднѣйшихъ членовъ Общества, отсутствіемъ которыхъ объясняется даже затишье по дѣламъ Общества. Оболенскій противополагаетъ Я. Н. Толстого и другихъ названныхъ лицъ новымъ членамъ Общества, молодежи: первымъ были вѣдомы сокровенныя цѣли Общества, послѣдніе только готовились къ воспріятію ихъ. А говоря о томъ, что наличное число членовъ въ Петербургѣ ограниченно, Оболенскій указываетъ на то, что хотя названные члены и не были на лицо, но они сохранили связи съ обществомъ. Слѣдовательно, Яковъ Толстой не только былъ первоначальнымъ членомъ, но остался имъ и послѣ распаденія Общества Благоденствія; правда, онъ жилъ за-границей и не принималъ активнаго участія въ дѣятельности Общества. Но идейныя связи сохранились: и живя въ Парижѣ, Толстой былъ близокъ по своимъ духовнымъ интересамъ къ своимъ товарищамъ, жившимъ въ Россіи. Въ „Русской Старинѣ“ (1889 г., ноябрь, стр. 375—377) было напечатано письмо Александра Александровича Бестужева изъ С.-Петербурга отъ 3-го марта 1824 года къ неизвѣстному лицу.

---

1) XIX вѣкъ. Историческій Сборникъ, изд. П. И. Бартеневымъ, ст. кн. Оболенскаго: „Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ“. Любопытно то, что въ Лейпцигскомъ изданіи „Воспоминаній кн. Е. П. Оболенскаго“ („Русскій Заграничный Сборникъ“, ч. IV, тетр. V, 1861, стр. 14) фамилія Я. Н. Толстого пропущена.

При самомъ даже поверхностномъ обзорѣ этого письма можно вполнѣ опредѣленно заключить, что письмо это писано къ Як. Ник. Толстому. Оно чрезвычайно характерно для эпохи, для автора и для адресата. Содержаніе письма служитъ доказательствомъ, что Яковъ Николаевичъ Толстой не порвалъ связей со своими товарищами по обществу: къ нему писали, какъ къ человѣку, для котораго интересны всѣ подробности жизни петербургскихъ друзей, отъ него требовали политическихъ новостей: „что дѣлаютъ либералы и каковъ ихъ характеръ?—спрашиваетъ авторъ письма. Каковъ духъ большей части французовъ? доволенъ ли народъ? пожалуйста, *бросьте при вѣрномъ случаѣ нѣсколько строчекъ объ этомъ. Вы одолжите тѣмъ всѣхъ благомыслящихъ*".

Это письмо ускользнуло отъ вниманія Б. Л. Модзалевскаго. Въ нашей замѣткѣ, являющейся дополненіемъ къ его работѣ, мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести это письмо цѣликомъ и въ особенности потому, что оно дышетъ колоритомъ эпохи и даетъ немало подробностей литературной и общественной жизни въ 1824-мъ году.

С.-Петербургъ, 3 марта 1824 г. Ночь.

„Долго, любезнѣйшій Яковъ Николаевичъ, не видались мы съ вами, а это время еще долѣе намъ казалось отъ того, что рѣдко имѣли о васъ вѣсти, — а отъ васъ? Ну да правда и я хорошъ — забудемъ старое и поговоримъ о настоящемъ... о которомъ можно сказать и много и мало: я скажу, что припомню.

Лѣтомъ я выдержалъ карантинъ отъ полугорячки; въ іюнѣ вступилъ въ должность къ герцогу Виртембергскому; сентябрь и октябрь проѣздилъ съ нимъ по сѣверному краю Россіи — по пріѣздѣ стрѣлялся съ ком. Рингеромъ, который волей Божіею промахнулся, а я подарилъ ему патронъ. Ноябрь присѣлъ за „Звѣзду" и въ декабрѣ

ее съ Рылѣевымъ спекли. При этомъ ее прилагаю: не осудите: чѣмъ были богаты, тѣмъ и рады[1]), а теперь принимаюсь отбраниваться на безсмысленныя, площадныя выходки нашихъ журналистовъ. Это превосходитъ всякое вѣроятіе.

За моими новостями слѣдуютъ новости моихъ друзей, и я скажу вамъ, что Рылѣевъ десять дней тому назадъ дрался на дуели съ княземъ Ш., офицеромъ финл. гвардіи; кн. Ш. свелъ связь съ побочною сестрою Рылѣева, у него воспитанною, и что всего хуже, осмѣлился надписывать къ ней письма на имя Рылѣевой. Сначала онъ было отказался, но когда Р. плюнулъ ему въ лицо—онъ рѣшился. Стрѣлялись безъ барьера. Съ перваго выстрѣла Рылѣеву пробило [не разобрать одного слова, залито чернилами] на вылетъ — но онъ хотѣлъ драться до повалу — и повѣрите ли, что на трехъ шагахъ оба раза пули встрѣчали пистолетъ противника, мы развели ихъ. Теперь онъ не опасенъ и рана его идетъ очень хорошо.

Жуковскій пудрится, Воейковъ (вампиръ во всемъ смыслѣ слова) лежитъ на одрѣ недуга, разбитый лошадьми. Крыловъ написалъ 27 прелестнѣйшихъ басенъ. Пушкина Фонтанъ-Слезъ — превосходенъ; онъ пишетъ еще поэтическій романъ: Онѣгинъ,—который, говорятъ, лучше его самого. Карамзинъ печатаетъ два послѣдніе тома. Наконецъ, Кюхельбекеръ издаетъ Альманахъ въ 4 томахъ подъ заглавіемъ Мнемозина, онъ еще не показался, а г-нъ Сленинъ и Дельвигъ издаютъ на 25 годъ „Сѣверные Цвѣты“, точно то-же, что и наша „Звѣзда“: это спекуляція промышленности. Имъ завидно, что въ три недѣли мы продали всѣ 1,500 экземпляровъ—посмотримъ удачи!...

Теперь политика: Дибичъ силенъ, а Волконскій сталъ

1) Посылаю безъ переплета, чтобы вы могли по своему вкусу связать ее. *А. Б.*

дворецкимъ безъ околичностей. Поговариваютъ о присоединенiи министерствъ къ сенату; власть Аракчеева растетъ, какъ грибъ, и тверда, какъ пирамида. Государь ввелъ новую форму одежды: ходитъ въ брюкахъ. Михаилъ влюбился въ свою жену. Герцогиня виртембергская вчера умерла на моемъ дежурствѣ и я видѣлъ какое дѣйствiе произвело это на людей, которые считаютъ себя богами.... Это была поучительная картина. Въ Петербургѣ ужасная скука.

Театры несносны и одинъ только Freischütz плѣнялъ нашу ребяческую публику. Его давали 17 разъ сряду и всегда театръ былъ полонъ.

Шаховской терзаетъ Вальтеръ-Скотта—но объ этомъ вы подробнѣй узнаете отъ Всеволожскаго.

За мой винегретъ прошу заплатить въ свой чередъ политикой и словестностью. Эти два пункта меня очень занимаютъ. Теперь закидываю вопросный крючекъ —почему гг. журналисты отказались помѣщать вашу статью [1]) объ антологiи [2]). Уже не въ отмѣстку ли за проказы Поццо-ди-Борго? Что дѣлаютъ либералы и каковъ ихъ характеръ; каковъ духъ большей части французовъ? доволенъ ли народъ? Пожалуйста бросьте при вѣрномъ случаѣ нѣсколько строчекъ объ этомъ. Вы одолжите тѣмъ всѣхъ благомыслящихъ. Здѣсь же солдатство и ползанье слились въ одну черту и офицеры пустѣютъ и низются день ото дня.

Много меня одолжите, почтеннѣйшiй, если пришлете, когда можно будетъ, изданiе Парни, это желанiе Рылѣева, который здѣсь не могъ достать его ни за какiя деньги.

1) О ней см. брошюру г. Модзалевскаго, стр. 25 — 26.

2) Здѣсь ее рвутъ изъ рукъ въ руки. Она очень любопытна и вамъ предстоитъ еще побранить самого С. Мора за гадость его и вопреки Journal des debats. *А. Б.*

Еще, если вамъ не хочется издавать Пушкина[1])—то продайте его намъ, мы немедля вышлемъ деньги. Онъ говоритъ, что Гнѣдичъ на сей разъ распустилъ ложные слухи. Ждемъ отвѣта.

Будьте здоровы, а объ удовольствіи вашемъ мы не сомнѣваемся, а произведеній вашихъ надѣемся и васъ любимъ по прежнему. Весь вашъ Александръ Бестужевъ".

„Благомыслящіе", которыхъ Я. Н. Толстой могъ бы одолжить сообщеніемъ политическихъ новостей, по всей вѣроятности, были изъ членовъ Общества.

Казалось, что ближе всего было бы справиться объ участіи Я. Н. Толстого въ движеніи декабристовъ въ слѣдственномъ о нихъ производствѣ. Но слѣдственныя дѣла представляютъ матеріалъ, изъ котораго чрезвычайно затруднительно извлекать достовѣрныя данныя: всякія показанія нужно разсматривать сквозь призму представленія о грядущемъ наказаніи. Правда, привлеченные по дѣлу декабристовъ и допрашивавшіеся въ высочайше учрежденномъ комитетѣ по розысканію о злоумышленныхъ обществахъ не скупились на имена и называли очень много членовъ, но все же, tacitu consensu, принимали за правило по возможности выгораживать людей, которыхъ можно было спасти. Такъ, напримѣръ, благополучно избѣгъ всякихъ каръ А. С. Грибоѣдовъ[2]); и Я. Н. Толстой долженъ былъ благодарить судьбу за то, что все обошлось такъ же благополучно и для него: во время производства слѣдствія онъ былъ за-границей и къ допросамъ не вызывался. Но его отсутствіе не помѣшало возникновенію цѣлаго дѣла.

Еще 21-го января 1826 года кн. Оболенскій въ спискѣ членовъ, приложенномъ къ всеподданнѣйшему письму,

---

1) См. объ этомъ въ брошюрѣ г. Модзалевскаго, стр. 12—15.

2) См. нашу статью „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы", С.-Пб. 1904 (оттискъ изъ „Литературнаго Вѣстника" 1904 г., кн. 2).

среди множества названныхъ имъ фамилій, указалъ и Я. Н. Толстого, добавивъ при этомъ, что Толстой „со времени отъѣзда за-границу прекратилъ всѣ сношенія съ членами общества“.

Комитетъ запросилъ о прикосновенности Толстого по обществу слѣдующихъ лицъ: Пестеля, кн. Трубецкого, кн. Оболенскаго и полковника Митькова.

Пестелю былъ предложенъ слѣдующій вопросный пунктъ:

„Въ отвѣтахъ своихъ вы называете членомъ тайнаго общества нѣкоего Толстого. Объясните: какъ его имя, чинъ и гдѣ онъ служитъ“?

На этотъ вопросъ Пестель далъ слѣдующій отвѣтъ:

„Я другого Толстого членомъ общества не знаю, какъ того, который въ 1819 и 1820 году былъ предсѣдателемъ коренной Думы Союза Благоденствія. Имени и чина его я вовсе не знаю и никогда не зналъ; гдѣ онъ въ послѣднее время служилъ, мнѣ неизвѣстно, но въ то время, коли не ошибаюсь, щитался онъ по Морскому Вѣдомству. Болѣе всего извѣстенъ онъ по рѣзному своему художеству“.

Пестель имѣлъ въ виду, конечно, извѣстнаго художника и медальера Өедора Петровича Толстого.

Почти столь же благопріятенъ для Я. Н. Толстого былъ и отвѣтъ князя С. П. Трубецкого на аналогичный вопросъ. Кн. Трубецкой, по началу оговорившій было Якова Толстого, значительно измѣняетъ свое показаніе.

„Названный мною Толстой служитъ старшимъ адъютантомъ Главнаго Штаба Его Имп. Величества; его зовутъ Яковъ Николаевичъ. — Хотя я и показывалъ его членомъ тайнаго общества, однако-жъ я утвердительно удостовѣрить въ томъ не могу; ибо я не знаю, ни когда онъ къ оному принадлежалъ, ни въ какое время онъ отъ онаго отсталъ. Знаю только что, по возобновленіи общества, онъ никакого участія не принималъ“.

Князь Е. П. Оболенскій, отличавшійся необыкновенной искренностью въ своихъ признаніяхъ и, тѣмъ не менѣе, при возможности кое-что скрывавшій, далъ слѣдующія показанія о Яковѣ Толстомъ въ отвѣтъ на запросъ комитета:

„Названный мною членомъ общества Толстой есть дѣйствительно старшій адъютантъ Главнаго Штаба Его Величества Яковъ Николаевичъ Толстой, лейбъ-гвардіи Павловскаго полка штабсъ-капитанъ; при семъ поставляю представить коммиссіи, что Толстой былъ принятъ мною въ Общество (сколько я нынѣ упомнить могу) за нѣсколько мѣсяцевъ до выступленія гвардіи въ походъ въ Вильно въ 1821-мъ году: т. е. въ концѣ 1820 года. Сіе принятіе его состояло единственно въ томъ, что въ разговорѣ съ нимъ объ отечествѣ нашемъ и о внутреннемъ состояніи онаго, я ему объявилъ, по дружескимъ сношеніямъ съ нимъ, о существованіи Общества, имѣющаго цѣль достиженіе конституціоннаго правленія чрезъ нѣсколько лѣтъ, распространеніемъ просвѣщенія, улучшеніемъ состоянія крестьянъ и тому подобными мѣрами; — послѣ чего предложилъ я ему поступить въ Общество, на что получилъ отъ него отзывъ неудовлетворительный; я признаюсь оставался въ изумленіи и замѣшательствѣ, не ожидая его отказа — что видя Толстой, дабы не оставить меня въ сомнѣніи о скромности его, касательно объявленнаго ему мною существованія Общества, объявилъ мнѣ, что онъ готовъ содѣйствовать лично цѣли Общества, распространеніемъ просвѣщенія и улучшеніемъ состоянія крестьянъ; но ни въ какія личныя обязательства по обществу не намѣренъ входить и никакихъ личныхъ сношеній по дѣламъ онаго имѣть съ кѣмъ либо изъ членовъ онаго, исключая меня, — послѣ чего, давъ мнѣ честное слово о храненіи тайны, оставался онъ въ семъ отношеніи со мною къ Обществу, не вступая ни въ управу, и (сколько я нынѣ упомнить

могу) не имѣя ни съ кѣмъ изъ членовъ Общества личныхъ сношеній до выступленія гвардіи въ началѣ 1821 года; — послѣ чего онъ вскорѣ уѣхалъ въ чужіе края, откуда не возвращался, и со мною даже никакой переписки частной съ того времени не имѣлъ. — О принятіи же Толстаго и о сихъ обстоятельствахъ принятія его сообщилъ ли я въ то время кому-либо изъ членовъ Общества, я нынѣ упомнить не могу; но обязанностію поставилъ представить обстоятельства сіи Коммиссіи для исправленія сдѣланной мной ошибки въ названіи Толстаго членомъ Общества, въ то время когда онъ зналъ лишь о существованіи онаго, никакого личнаго въ ономъ участія не принималъ и, едва нѣсколько мѣсяцевъ пробывъ въ семъ отношеніи къ обществу, уѣхалъ въ чужіе края, отъ коихъ и не возвращался, прекративъ всѣ сношенія со мною".

При оцѣнкѣ степени достовѣрности этихъ признаній кн. Оболенскаго, необходимо вспомнить приведенный выше отрывокъ изъ его „Воспоминаній". Но во всякомъ случаѣ обстоятельства для Я. Н. Толстого складывались крайне благопріятно: комитетъ нашелъ показанія трехъ членовъ Общества совершенно достаточными для выясненія дѣла Я. Н. Толстого въ Россіи. Но Комитетъ интересовался знать, зачѣмъ собственно поѣхалъ за-границу Я. Н. Толстой и что онъ тамъ дѣлаетъ. За разрѣшеніемъ недоумѣній онъ обратился къ одному путешествовавшему по чужимъ краямъ члену общества полковнику Митькову. Комитетъ поставилъ ему слѣдующій вопросъ:

„Въ отвѣтахъ вашихъ вы показали, что во время бытности вашей въ чужихъ краяхъ вы видались съ старшимъ адъютантомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества Толстымъ.

Объясните, въ чемъ состояли сужденія ваши съ нимъ о тайномъ обществѣ при семъ свиданіи; что именно вы ему открыли о дѣйствіяхъ здѣшнихъ членовъ и о совѣ-

щаніяхъ, бывшихъ предъ вашимъ отъѣздомъ; какое принималъ онъ участіе въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ общества и въ какое именно время было означенное ваше съ нимъ свиданіе; также объясните, если вамъ извѣстно, когда именно Толстой отправился въ чужіе края, какое онъ оказывалъ содѣйствіе въ пользу общества во время нахожденія его здѣсь въ С.-Петербургѣ, какъ имя его и какого чина?"

Митьковъ отвѣчалъ:

„Симъ имѣю честь донести. Я видалъ Толстова въ 1824 году въ бытность мою въ Парижѣ, гдѣ я съ нимъ и познакомился, а прежде его не зналъ, а слышалъ отъ Николая Тургенева, что Толстой принадлежалъ къ прежнему тайному обществу. Я ему сказывалъ, что передъ отъѣздомъ моимъ въ 1823 году составилось вновь тайное общество; но объ ономъ сужденій онъ со мною никакихъ не имѣлъ и мнѣ ничего о премѣнахъ общества не говорилъ.

Когда именно Толстой отправился въ чужіе края и какое онъ оказывалъ содѣйствіе въ пользу общества во время его пребыванія здѣсь въ С.-Петербургѣ, я не знаю. Имя его Яковъ. Какого чина, не знаю.

1826 года Маія 27-го дня".

Этими разспросами и ограничились разысканія Комитета о степени виновности Я. Н. Толстого. Допросы самому Толстому были сочтены излишними, и Комитетъ счелъ возможнымъ поднесть Императору Николаю записку слѣдующаго содержанія.

„Князья Трубецкой и Оболенскій, называя Толстого членомъ общества, присовокупляютъ, что онъ уже три года находится за границею и со времени отбытія изъ Россіи всѣ сношенія съ членами общества прекратилъ.

Полковникъ Митьковъ объясняетъ, что во время бытности его въ 1824 году въ чужихъ краяхъ видѣлся въ

Парижѣ съ Толстымъ, о принадлежности котораго къ прежнему обществу слышалъ онъ прежде того отъ Тургенева. При семъ свиданіи онъ ему открылъ о возобновившемся обществѣ, но болѣе ни о чемъ съ нимъ не говорилъ".

Николай Павловичъ приказалъ Толстого „поручить подъ секретный надзоръ начальства и ежемѣсячно доносить о поведеніи".

Я. Н. Толстой избѣгъ кары, но все-же дѣло не кончилось безъ послѣдствій: репутація его была испорчена. Въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго разсказано, сколькихъ трудовъ—и какихъ—стоило Я. Н. Толстому добиться возстановленія репутаціи. Съ нимъ произошла любопытная метаморфоза: членъ тайнаго общества, проникнутый высокими этическими идеалами, раннiй философъ, пріятель Пушкина сталъ агентомъ русскаго правительства за-границей.

II.

Исторія одного письма К. Н. Батюшкова.

Въ 1818 году Батюшковъ обратился къ своему сочлену по Арзамасу, извѣстному генералу Михаилу Ѳедоровичу Орлову съ просьбой оказать покровительство македонскому греку Ивану Сутирѣ. Орловъ въ это время былъ въ Кіевѣ, а Батюшковъ собирался въ Италію. Письмо Батюшкова, не бывшее въ печати, слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь, Михаилъ Ѳеодоровичъ,

Вручитель сего письма Иванъ Сутира, грекъ изъ Македоніи, извѣстный по своимъ несчастіямъ, отправляется отъ сюда въ отечество свое черезъ Кіевъ: осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство не отказать ему въ помощи и принять его въ Ваше особенное покровительство. Я мало знакомъ Вамъ, милостивый государь, но Васъ

знаю, знаю, что Вы всегда готовы подать руку помощи бѣдному, какой бы земли онъ не былъ, зная, что тотъ доставляетъ Вамъ истинное удовольствіе, кто подаетъ Вамъ случай совершить доброе дѣло.

Арзамасъ весь разсѣялся по лицу земному; я самъ послѣ завтра ѣду въ Италію, но гдѣ бы мы ни были, сохранимъ въ памяти сердца и ума величественный Рейнъ, лучшее украшеніе общества нашего. Съ глубокимъ почитаніемъ имѣю честь быть

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Константинъ Батюшковъ.

Петербургъ
Ноября 3
1818 г.

На оборотѣ:

Его Превосходительству Милостивому Государю Михаилу Федоровичу Орлову въ Кіевѣ“.

Послѣднія строки письма относятся къ Арзамасу. Рейнъ—арзамасское прозвище М. Ѳ. Орлова. Батюшковъ закончилъ свое письмецо комплиментомъ: „гдѣ бы мы ни были, сохранимъ въ памяти сердца и ума величественный Рейнъ, лучшее украшеніе общества нашего“. На самомъ дѣлѣ, Орловъ пришелся не ко двору въ Арзамасѣ. Но комплиментъ Батюшкова привлекъ къ письму совершенно неожиданное вниманіе.

М. Ѳ. Орловъ обратился съ этимъ письмомъ къ извѣстному герою Отечественной войны генералу Н. Н. Раевскому, бывшему въ это время командиромъ 4-го корпуса. Сынъ его, Александръ Раевскій передалъ это письмо начальнику штаба своего отца, полковнику Линдену, для исполненія, съ помѣтой: „Батюшка приказалъ, чтобы по сему письму исполнили“. Мы не знаемъ, что за человѣкъ былъ Линденъ, но его поведеніе въ этомъ дѣлѣ рисуетъ

его въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ. Орловъ слылъ въ это время за большого либерала и возбуждалъ опасенія въ „охранителяхъ“. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Линденъ. Письмо показалось ему подозрительнымъ, и онъ не отдалъ его обратно Раевскому, а оставилъ у себя, разсчитывая, очевидно, что при случаѣ письмо пригодится. Оно дѣйствительно пригодилось. Линденъ вообще былъ наблюдательный человѣкъ и хорошо запоминалъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ. Въ Кіевѣ вокругъ него шло въ это время большое броженіе. Результаты своихъ наблюденій Линденъ доложилъ въ 1821 году Начальнику Главнаго Штаба барону И. И. Дибичу. Онъ разсказалъ ему „о распространеніи въ Кіевѣ тайнаго общества и примѣтномъ стараніи онаго умножить число членовъ“. При докладѣ онъ представилъ и подозрительное письмо съ упоминаніемъ объ Арзамасѣ и Рейнѣ. Дибичъ оставилъ это письмо у себя, но, очевидно, не придалъ никакого значенія сообщеніямъ Линдена.

Но письму не было суждено затеряться. Пришелъ тревожный 1825 годъ, разразилась катастрофа 14 декабря. Періодъ „розысканій о злоумышленныхъ обществахъ“ создалъ особую атмосферу. По всѣмъ концамъ Россіи поѣхали лица различныхъ служебныхъ положеній, низшихъ и высшихъ, съ порученіями „розысканій“. Генералъ-адъютантъ Демидовъ былъ отправленъ на югъ. Линденъ въ это время состоялъ при главной квартирѣ 1-ой арміи. Въ тревожную пору онъ опять вспомнилъ о подозрительномъ письмѣ о тайныхъ обществахъ и рѣшилъ опять пустить его въ ходъ. Когда Демидовъ былъ въ Могилевѣ, Линденъ явился къ нему и сдѣлалъ докладъ. Докладъ Линдена имѣлъ слѣдующій результатъ.

Генералъ адъютантъ Демидовъ въ Всеподданнѣйшемъ рапортѣ изъ Житомира отъ 13-го генваря 1826 года за № 2 между прочимъ сообщалъ:

„Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Могилева имѣлъ я разговоръ съ полковникомъ Линденомъ, находящимся нынѣ при Главной квартирѣ 1-й арміи, а передъ симъ бывшимъ Начальникомъ Штаба въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ, который между прочимъ разсказывалъ мнѣ о письмѣ, писанномъ въ прошломъ 1821 году какимъ-то Батюшковымъ или Батиньковымъ, чего въ точности онъ Линденъ не упомнитъ, на имя генералъ-маіора Орлова, каковое письмо сыномъ генерала Раевскаго было передано ему Линдену для нѣкотораго по немъ исполненія, а какъ въ ономъ заключались разныя иносказанія, то посему почелъ я нужнымъ потребовать отъ него составленную записку тому, что лишь можетъ онъ упомнить, каковую, безъ наималѣйшаго моего заключенія, обязанностію почелъ всеподданнѣйше представить въ подлинникѣ Высочайшему свѣдѣнію Вашего Императорскаго Величества“.

Записка Линдена, представленная при этомъ рапортѣ, — слѣдующаго содержанія:

„Въ бытность мою Начальникомъ Штаба 4-го пѣхотнаго корпуса въ 1821 году, поступило ко мнѣ распечатанное письмо, писанное отъ некоего Батюшкова или Батинькова къ Михаилъ Федоровичу Орлову, какъ къ Начальнику Штаба. Содержаніе письма заключало прозьбу объ оказаніи покровительства одному бѣдному греку, рекомендательнымъ письмомъ въ корпусъ, для испрошенія пособія. Ниже подписи Батюшкова была приписка почти слѣдующаго содержанія: „Арзамасъ все разсѣялась по лицу земному; я самъ на дняхъ ѣду въ Италію. Величественный Рейнъ, лучшее украшеніе общества нашего, да будетъ съ Вами“. Письмо сіе ко мнѣ прислалъ сынъ корпуснаго командира Александръ Раевскій, съ надписью: „Батюшка приказалъ, чтобъ Вы по сему исполнили“. Посему я здѣлалъ выполненіе. Чрезъ два дни Александръ Раевскій прислалъ ко мнѣ требовать обратно.

Я отвѣчалъ, что уничтожилъ оное. Между тѣмъ въ бытность мою въ Главной квартирѣ, въ первыхъ числахъ Октября того же 1821 года, докладывалъ бывшему тогда Начальнику Главнаго Штаба Г. Генералъ адъютанту Барону Дибичу о распространеніи въ Кіевѣ тайнаго общества и примѣтномъ стараніи онаго умножить число членовъ; я подалъ сіе письмо лично и Его Превосходительство изволили оставить оное у себя.

Полковникъ Линденъ 1-ый.

Тотчасъ же по рапорту Демидова было произведено „изысканіе“. И. И. Дибичъ былъ уже въ Петербургѣ; къ нему обратились за письмомъ Батюшкова, и оказалось, что онъ тоже не уничтожилъ его, а сохранилъ. Но въ Петербургѣ не трудно было понять приписку Батюшкова объ Арзамасѣ: одинъ изъ арзамасцевъ, Д. Н. Блудовъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ дѣлахъ „Комитета, по изысканію о злоумышленныхъ обществахъ“. Легко было разсѣять подозрительныя недоумѣнія Линдена и Демидова, и дѣлу не было дано хода. На рапортѣ Демидова была положена слѣдующая помѣта: „Къ свѣдѣнію. Арзамазъ было не тайное политическое, а весьма откровенное литературное общество, которое не долго существовало и уничтожилось“.

П. Щеголевъ.

Записка къ Пушкину.

Изучая находящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ рукописи Пушкина, я натолкнулся на вложенный въ черновикъ VIII-й главы „Евгенія Онѣгина" листокъ, № 53-й; на немъ набросаны рукою Пушкина нѣсколько исчерканныхъ стиховъ. Стихи эти представляютъ собою эскизъ къ XXIV—XXVI строфамъ VIII-й главы; въ нихъ поэтъ вывелъ въ сатирическомъ освѣщеніи нѣкоторыхъ лицъ высшаго петербургскаго общества той эпохи, когда заканчивался „Онѣгинъ". Вотъ они (въ скобки заключены зачеркнутыя поэтомъ слова).

(Вошелъ одинъ собой довольный)
Тутъ былъ всѣмъ свѣтомъ недовольный,
На все сердитый графъ Туринъ —
На домъ хозяйки (тонъ гостиной) слишкомъ вольный,
На глупость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На вензель, двумъ сироткамъ данный,
На толки про романъ жеманный,
(На слогъ газетъ, на день туманный)
(На жену) На пустоту жены своей,

(На снѣгъ, на войну) На тальи спѣлыхъ дочерей.

На оборотѣ листка находятся два стиха:

Тутъ былъ на эпиграммы падкій...
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій...

Эти два стиха вошли въ XXV-ую строфу:

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ и т. д.

Ниже этихъ двухъ стиховъ набросана карандашомъ, не пушкинской рукою, крупнымъ почеркомъ, слѣдующая записка:

„Приходи ко мнѣ въ половинѣ перваго; пойдемъ въ лицей: тамъ экзаменъ исторіи“.

Записка не подписана и не датирована. Когда и кѣмъ она была написана? „Онѣгинъ“ былъ оконченъ осенью 1830 г.; послѣдняя его строфа помѣчена 25 сентября, а въ октябрѣ и ноябрѣ поэтъ написалъ нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ, отвѣчая критикамъ и какъ бы подводя итоги своему труду. Однако, Пушкинъ, видно, еще долго отдѣлывалъ детали романа; такъ, письмо Онѣгина къ Татьянѣ помѣчено 3 октября 1831 г.

Я. К. Гротъ въ статьѣ своей „Царскосельскій лицей“ (сборникъ работъ Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, С.-Пб. 1899, стр. 45) вспоминаетъ, что Пушкинъ лѣтомъ 1831 г., живя въ Царскомъ Селѣ, присутствовалъ въ лицеѣ на экзаменѣ исторіи; лицеисты часто встрѣчали Пушкина въ царскосельскомъ саду то съ женою, то съ Жуковскимъ. Очевидно, записка написана въ самый день экзамена, на которомъ былъ Пушкинъ,—вѣроятно, въ іюнѣ, когда обыкновенно происходили экзамены въ лицеѣ. (Въ Царское Село Пушкинъ переѣхалъ, по собственному его показанію, 25 мая; 1 іюня онъ писалъ П. В. Нащокину: „вотъ уже недѣля, какъ я въ Царскомъ Селѣ“). Трудно предположить, что пріятель Пушкина (можно думать, что это былъ Жуковскій, съ которымъ Пушкинъ тогда встрѣчался часто),

набросалъ свою записку на исписанномъ поэтомъ клочкѣ бумаги. Мы знаемъ, что Пушкинъ тщательно берегъ свои бумаги, и благодаря этому до насъ дошли многіе черновики и варіанты его произведеній, хоть бы того же „Онѣгина“, дающіе намъ возможность изслѣдовать процессъ его „технической“ работы и, до извѣстной степени, даже ходъ мыслей поэта. Приведенные стихи написаны Пушкинымъ, вѣроятно, на запискѣ пріятеля, уже послѣ экзамена, на который былъ приглашенъ поэтъ.

Найденная среди пушкинскихъ черновиковъ записка даетъ нѣчто хоть немногое, но все-таки новое для біографіи великаго человѣка, въ жизни котораго намъ ничто не можетъ казаться мелочью, и проливаетъ свой свѣтъ на довольно сложный вопросъ о хронологіи его лучшаго романа.

Николай Лернеръ.

С.-Пб. 15 іюля 1904 г.

УКАЗАТЕЛЬ.*)

Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ 52.
Ананьинъ, Александръ Андреевичъ (2) XIII.
Анненковъ, Иванъ Васильевичъ (2) XV.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ (1) XIX, XXX; (2) XV; 7, 9.
Анненковъ, Павелъ Павловичъ (1) XIX, XXI; (2) XII.
Аракчеевъ, гр. А. А. 70.
„Арзамасъ“, общество 76—80.

Байронъ 39, 40, 41, 42.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ (1) XIII, XV, XX, XXX; (2) VI; 67.
Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ 36, 76—80.
Бахрушинъ, Алексѣй Александровичъ (2) XII.
„Бахчисарайскій фонтанъ“ 11, 69.
Бенкендорфъ, графъ А. Х. (1) XII, XVIII.
Беркгеймъ, баронъ Францъ Христіановичъ 20.
Беркгеймъ, баронесса Юлія 15, 20—22.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ 19, 36, 67, 68—71.
Бибиковъ, Александръ Ильичъ 10, 11.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ 80.
„Борисъ Годуновъ“, Пушкина 9.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ (1) XX; (2) VI.
Булгаринъ, Ѳ. В. (2) IV; 32, 33, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 49.
Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ (1) XVI.
Быковъ, Николай Владиміровичъ (1) XXII; (2) VI.
Бычковъ, Иванъ Аѳанасьевичъ 23.
Бѣлинскій, В. Г. 51.

Ваксель, Платонъ Львовичъ (1) XIII, XVI, XVIII, XXII.
„Valérie“, романъ баронессы Крюденеръ 21.
Вальтеръ-Скоттъ 70.
Вельяминовъ, Алексѣй Алексѣевичъ 22.
Веневитиновы, Д. В. и М. В. 39.
Вернэ, Ж. (2) V, XIV.
Веселовскій, Александръ Николаевичъ (1) V, VI, VII, XIV, VIII, X, XX, XXV; (2) I, VII, IX, XI, XIII.

*) Арабская цифра въ скобкахъ (1 и 2) передъ римскими цифрами означаетъ страницы извлеченій изъ протоколовъ въ 1-мъ (1) и 2-мъ (2) выпускахъ „Пушкина и его современниковъ“.

Витбергъ, Өедоръ Александровичъ 64.
Воейковъ, Александръ Өедоровичъ 32, 33, 37, 38, 40, 43, 69.
Волконскій, князь Петръ Михайловичъ 69.
Воронцовъ, князь М. С. 8.
Вревская, баронесса Софія Борисовна (2) V, XIV.
Вревскій, баронъ Борисъ Александровичъ (1) XIII, XIX.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ 70.
Вяземскій, князь Павелъ Петровичъ (2) VI.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ (1) XIII; (2) II, 3, 36.

„Гавриліада“, Пушкина (2) VI.
Гаевскій, Викторъ Павловичъ 9, 10.
Гаевскій, Николай Викторовичъ (1) XIII, XXI.
Ганецкій, А. Н. (1) XIII.
Гартунгъ, Марія Александровна (2) VI.
Гастфрейндъ, Николай Андреевичъ 28.
Геверсъ, секретарь Голландскаго посольства 11.
Геккеренъ, баронъ 1, 11.
Геннади, Григорій Николаевичъ 30.
Германъ, Елизавета Ивановна — см. **Рихтеръ.**
Германъ, Иванъ, ген.-аншефъ 30.
Германъ, Марія Ивановна—см. **Есакова.**
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ 71.
Гоголь, Н. В. (1) XXII.
Голицынъ, князь 10.
Гончарова, Наталья Ивановна 12.
Гончаровъ, Аөанасій Николаевичъ (2) III, XII.
Гофманъ, Андрей Логгиновичъ 31.
Грековъ, Н. 37.
Гречъ, Николай Ивановичъ 32, 42, 46.
Грибоѣдовъ, А. С. 43, 71.
Гротъ, Константинъ Яковлевичъ (1) XII, XVIII; (2) VI.
Гротъ, Яковъ Карловичъ 11, 15, 29, 82.
Грузинская, княжна Ольга Львовна —см. **Турчанинова.**

Дантесъ 20, 21, 22.
Дантесъ, Екатерина Николаевна 22.
Дашковъ, Павелъ Яковлевичъ (1) VI, XIII, XVI, XVIII, XX, XXII.
„Делибашъ“, стих. Пушкина (2) VI.
Дельвигъ, баронъ, вице—губернаторъ (1) XIII.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ (1) XIII; 69.
Демидовъ, Николай Ивановичъ 78—80.
Дибичъ, баронъ Иванъ Ивановичъ 69, 78, 80.
Дневникъ Пушкина (2) XI—XII; 13.
Долговъ, Семенъ Осиповичъ (2) II.
Долгоруковъ, князь Петръ Владиміровичъ („Bancal“) 20.
Дорохова, жена слѣдующаго 23.
Дороховъ, Василій Павловичъ 23, 24.
Дубельтъ, Л. В. (1) XVIII.
Дубровинъ, Николай Өедоровичъ (1) XVIII.
„Дубровскій“, Пушкина (2) VI.
Дунинъ-Борковская, Надежда Константиновна (2) V.
Дурова, Надежда Андреевна (1) XVIII.

„Евгеній Онѣгинъ“ (2) VI, 1—7, 14, 17—19, 69, 81—83.
Егоровъ, Анатолій Евгеньевичъ 27.
Елагинъ, Владиміръ 41.
Елена Павловна, Великая Княгиня 31.
Есакова, Елизавета Филипповна, рожд. **Ярцева,** 27.
Есакова, Марія Ивановна, рожд **Германъ** 30.
Есакова, Софья Семеновна—см. боронеса **Корфъ.**
Есаковъ, Александръ Семеновичъ 31.

Есаковъ, Дмитрій Семеновичъ 28, 31.
Есаковъ, Евгеній Семеновичъ 30.
Есаковъ, Петръ Семеновичъ 31.
Есаковъ, Семенъ Ивановичъ 27.
Есаковъ, Семенъ Семеновичъ 27—31.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ (1) VI, X, XIV, XX, XXIV; 30.

Ждановъ, Иванъ Николаевичъ (1) V, VI, VII, VIII, XI.
Жиркевичъ, А . . . . . Владиміровичъ (2) XVI.
Жуковскій, Василій Андреевичъ 15, 22—24, 36, 69, 82.
Журавлевъ, Аркадій Аркадьевичъ (1) XIII, XVI.

„Звѣздочка“, альманахъ 1826 г. 19.
„Зеленая лампа“, общество 66.
„Земля и море“, стих. Пушкина 14, 15—16.
Зеновичъ (2) XIII.
„Зимняя дорога“, стих. Пушкина (2) VI.
Зубова, Евѳимія Борисовна, рожд. баронесса Вревская (1) XIII, XXI. (2) VI.
Зубова, Прасковья Петровна (1) XIII.

Ивановское, село (2) VII.
Ивановъ, И. А. (2) III.
Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ (1) XIII.
„Изъ Гафиза“, стих. Пушкина 14, 15, 17.
Илличевскій, Алексѣй Демьяновичъ 30.
„Исторія Пугачевскаго бунта“ 10.

Каверинъ, Петръ Павловичъ 3, 4.
Каллашъ, Владиміръ Владиміровичъ 49.
„Капитанская дочка“ 25—26.
Капнистъ, графиня Ина Петровна (1) XIV.
Карамзинъ, Н. М. 36, 43, 44, 45, 69.
Катенинъ, Павелъ Александровичъ (1) XIII.
Катковъ, Павелъ Михайловичъ (1) XIII, XVI.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ 39.
Кирѣевскій, Петръ Васильевичъ (1) XVI, XVII; (2) II.
Киселева, Ада Ивановна (1) XIII; (2) VI.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ 31.
Киселевъ, Сергѣй Дмитріевичъ (1) XIII.
„Клеветникамъ Россіи“, стихотв. Пушкина (2) XV.
Клейнмихель, графъ Петръ Андреевичъ (2) XI; 10, 11, 23.
Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ (1) VI, XX, XXIV; 28, 29.
Кондырева, Нина Михайловна, рож. Дубельтъ (2) II, XII, XIV.
Корниловъ, Юрій Павловичъ (1) XIII.
Корфъ, баронъ 27.
Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ (1) XVIII, XXIV; 29.
Корфъ, графъ Модестъ Модестовичъ (1) XIV.
Корфъ, баронъ Николай Николаевичъ 31.
Корфъ, баронесса Софья Семеновна, рожд. **Есакова** 27, 31.
Коршъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ (1) V, VII, VIII, X, XIV, XX; (2) I, VII, XIII.
Кохренъ, путешественникъ 45.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ 33, 69.
Крюденеръ, баронесса 20, 21.
Курисъ, И. И. (1) XXII.
Курисъ, Любовь Ивановна (1) XIII.
„Къ N.“, стих. Д. П. Ознобишина 30.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ 28, 69.

Лежэ, профессоръ (1) XXI.
Лернеръ, Николай Осиповичъ 83.
Линденъ 1-й, полк. 77, 78, 79, 80.
Львова, Татьяна Сергѣевна (2) VI.

Майкова, Александра Алексѣевна (1) V, XV; (2) XIII.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ (1) V, XV, XXII, XXIV, XXV; (2) IV, V, VIII, XI; 14, 15, 16.
Малевинскій, фотографъ (1) XV.
Малеинъ, Александръ Іустиновичъ (2) VI.
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ (1) XXII; (2) VI.
Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ 29.
Мейендорфъ, баронъ, жертв. 1, 11.
Меренберъ, графиня Наталія Александровна, рожд. Пушкина (1) XVIII; (2) II, III, XII, XIV; 12.
Мещерская, княгиня Екатерина Николаевна 15.
Милорадовичъ, графъ Григорій Александровичъ (1) XVIII, XXI.
Митьковъ, полк. 72, 74, 75.
Михайловское, село (2) II, XIV.
Михаилъ Павловичъ, Вел. Князь 70.
Михельсонъ, Иванъ Ивановичъ 10.
„Мнемозина“, альманахъ 69.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ (1) VI, XIV, XV, XIX, XX, XXV; (2) I, VII, XI, XII, XIII, XIV; 65, 68 70, 71, 76.
Мордвиновъ, Александръ Николаевичъ (1) XVIII.
Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ 36.

Нарышкинъ, Михаилъ Михайловичъ 66.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ (1) XIII; (2) II; 63, 82.
Неболсинъ, сенаторъ (1) XIX.
„Невѣдомые Теодоръ и Розалія“, романъ 51—64.
Нечаевъ, Дмитрій Степановичъ (1) XIII; (2) XV.
Никитенко, сынъ А. В. (1) XIII.
Никитинъ, В. П. 11.
Николева, Л. И. 52.
Николевъ, Иванъ Юрьевичъ 52.
Новиковъ, Николай Ивановичъ 25, 26.
Оболенскій, князь Евгеній Петровичъ 66, 67, 71, 72, 73, 74, 75.
„О Делія драгая“, стих. Пушкина (2) IV.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ 35.
Ознобишинъ, Дмитрій Петровичъ 30.
Онѣгинъ (Отто) Александръ Ѳедоровичъ (1) VI, XIII, XX.
Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ 76—80.
Остафьево, село (2) I, II.

Панафидина, Евдокія Степановна, рожд. баронесса Вревская (1) XIII.
Парни 70.
„Первое посланіе къ цензору“, Пушкина 49.
Пестель, Павелъ Ивановичъ 72.
Петрашевскій-Буташевичъ, Михаилъ Васильевичъ 30.
Плетневъ, Петръ Александровичъ (1) XVIII, XIX.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ (1) XVIII; 33, 34, 39, 47, 49.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ 48.
Полевой, Николай Алексѣевичъ 32, 34, 35, 36, 37, 38, 45, 46, 47, 48, 49.
Половцовъ, Анатолій Викторовичъ (1) XVI; (2) VI.
„Полтава“ 11.
„Полярная Звѣзда“, альманахъ 1824 г. 68, 69.
Потемкина, Татьяна Борисовна 22.
Поццо-ди-Борго, графъ Карлъ Осиповичъ 70.
Пугачевъ (2) XI; 10.
Пушкина, Наталья Николаевна 12—13, 20, 21, 22, 51, 52, 53, 54, 62, 63, 82.
Пушкинъ, Александръ Александровичъ (1) XXXI; (2) VI, XII; 13.
Пушкинъ, Григорій Александровичъ (2) VI.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ 2, 15, 19—20.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ 8, 15.

Пущинъ, Иванъ Ивановичъ 28, 30, 66.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ (1) VI, XIV, XVIII; (2) I.

Раевскіе 14.
Раевскій, Александръ Николаевичъ 24, 77, 78, 79.
Раевскій, Николай Николаевичъ ст. 77, 79.
Раевскій, Николай Николаевичъ мл. 9, 14—24.
Раевскій, Петръ Михайловичъ 14.
Рейнботъ, Павелъ Евгеньевичъ (1) VI; (2) I, VII, XII, XIII, XV.
Рихтеръ, Борисъ Сергѣевичъ 30.
Рихтеръ, Елизавета Ивановна, рожд. **Германъ,** 30.
Родзянко, Аркадій Гавриловичъ (1) XXI.
Рожалинъ, Николай Матвѣевичъ 39.
Ростопчина, графиня М. А. 52.
Рункевичъ, Степанъ Григорьевичъ (2) XV.
Рылѣевъ, Кондратій Өедоровичъ 19, 67, 69, 70.
Рышковъ, Владиміръ Александровичъ (2) XII.

Саитовъ, Владиміръ Ивановичъ (1) V, VI, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVIII, XIX, XX, XXII, XXIV, XXVIII; (2) I, II, V, VI, VII, XI, XII, XIII, XV; 20.
Сахаровъ, Викторъ Викторовичъ (2) XI.
Семевскій, Михаилъ Ивановичъ (1) XII, XV.
Семенъ, Августъ Ивановичъ 52.
Сенъ-Моръ, авт. 70.
„Сказка о мертвой царевнѣ“, Пушкина (2) IV.
Скобельцынъ, Өедоръ Аөанасьевичъ (2) II.
Сленинъ, Иванъ Васильевичъ 69.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ (1) VI, X, XIV, XVI, XVII, XX XXIII; (2) II.
Соболевскій, Сергѣй Александровичъ (2) II.
Сомовъ, Орестъ Михайловичъ 38.
Срезневскій, Всеволодъ Измайловичъ 13.
Станкевичъ, Алексѣй Ивановичъ (1) XIII, XVI.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ (2) II; 1, 8, 12, 13.
Строевъ, Павелъ Михаиловичъ 36, 47.
Суворовъ-Рымникскій, кн. А. В. (2) XI; 10.
Сутира, Иванъ, грекъ 76.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ (1) XI.
„Сѣверные Цвѣты“, альманахъ 1825 г. 69.

„Теодоръ и Розалія“, романъ 51—64.
Толстой, Яковъ Николаевичъ 65—76.
Толстой, графъ Өедоръ Петровичъ 72.
Тригорское, село (2) V, XIV.
Трубецкой, князь Сергѣй Петровичъ 66, 72, 75.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ 8, 9.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ (2) II; 1, 8, 12, 13.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ (2) 8, 66, 75.
Тургеневъ, Петръ Николаевичъ (1) XVIII, XXI; (2) IV, VI; 1, 7, 8, 9, 10.
Тургеневъ, Сергѣй Ивановичъ 7—8.
Турчанинова, Ольга Львовна, рожд. кн. **Грузинская** 52.

Ушакова, Екатерина Николаевна (2) III, IV.
Ушаковы, Калязинскіе помѣщики (2) III.

Фишеръ, К. А. (1) XXIII.
Фойницкій, Иванъ Яковлевичъ (2) XIV.

Фуксъ, Александра Андреевна (1) XXI.
Fournier, M-r 16.
Фуссъ, Павелъ Николаевичъ 30.

Хитрово, Елизавета Михайловна (2) II.
Хмельницкій, Николай Ивановичъ (2) XIII.
Хованская, княгиня Антонина Александровна, рожд. баронесса Вревская (1) XIII.
Ходневъ, Константинъ Николаевичъ 27.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ (2) XIII.
Чернышевъ, князь Александръ Ивановичъ (2) XI; 10.
Чернышевъ, Василій Ивановичъ 26.

Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ 37.
Шахматова, Елизавета Александровна (1) XVIII.
Шахматовъ, Алексѣй Александровичъ (1) VI, XXIV, XXV; (2) I, IV, V, VII, VIII, XIII.
Шаховской, князь (дуэль съ Рылѣевымъ) 69.
Шаховской, князь Александръ Александровичъ 3, 70.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ (1) XXIII; 39, 40, 49.
Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ (1) XXII; (2) VI.
Шереметевъ, графъ Сергѣй Дмитріевичъ (1) XIII, XVI, XVIII; (2) I, II, XI, XIII, XIV.
Шлецеръ, Августъ 36.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ (1) VI; (2) I, VII, XII, XIII, XIV, XV; 28.

Щеголевъ, Павелъ Елисѣевичъ 50, 51, 55, 62, 80.
Щербаковъ, В. Ф. 50.
Щербачевъ Юрій Николаевичъ (1) XIII, XVI.

Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ 29, 30.

Юрьевичъ, Курскій помѣщикъ (2) XV.
Юрьевичъ, Семенъ Алексѣевичъ (2) XV.

Языковъ, Николай Михайловичъ (1) XXII.
Яковлевъ, Василій Ивановичъ (2) VI.
Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ (1) VI, VIII, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVII, XIX, XX, XXIII, XXIV, XXV—XXXII; (2) I, II, VI, VII, IX, X, XIII, XV.
Якушкинъ, Евгеній Ивановичъ (2) XIII.
Яцимирскій, Александръ Ивановичъ 12.
Ярцева, Елизавета Филипповна, см. Есакова.
Ѳоминскій, Ѳедоръ 51—64.

Куйбышевская
№ 475776.
Обл. Библиотека